Сэр Персиваль ФИЛЛИПС.

ФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

(Перевод с английскаго).

Сэр Персиваль ФИЛЛИПС.

Fillips

Fashistskoe

ФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

dvizhenie

(Перевод с английскаго).

Предисловие переводчика.

Книжка, лежащая перед читателем, в оригинале носит несколько длинное название: «Красный змей и чернорубашечники. Как Италия обрела свою душу. Истинная история фашистскаго движения». Автор книжки, известный английский журналист, сэр Персиваль Филлипс, получивший свой титул во время войны за блестящие корреспонденции с фронта. Сэр Персиваль был отправлен в Италию, как специальный корреспондент газеты «Дэйли Мэйль» для изучения фашистскаго движения. В этой газете и появились статьи, набранные потом в отдельную книжку. Темой ея является «Спасение Италии от грубаго деспотизма большевиков и коммунистов», как говорит Вильсон в предисловии к английскому изданию книжки П. Филлипса. «В Италии найдено противоядие против коммунизма», продолжает Вильсон в другом мѣстѣ этого предисловия, «Найдено средство, каким образом уничтожить яд, привитый красной пропагандой и как парализовать действие тех, которые проповедуют классовую борьбу. Впервые за пятьдесят лет явилась демократическая сила, более сильная чем коммунизм». Русским читателям, вероятно, будет интересно познакомиться с личностью и деятельностью нынешняго диктатора Италии.

Мы видим из книжки, что «фашизм» явился проявлением инстинкта самосохранения Италии. Личность Муссолини — совершенно исключительная по силе, по энергии и по настойчивости; но он имел успех т о л ь к о потому, что вся страна, включая рабочих, желала отделаться от коммунистов.

Муссолини, выступив против коммунистов, заявил, что Италия для него выше партии. И все те, кото-

рые ценили р... партийных программ, присоединились к фа...

В фашистс... вижении надо различать два периода: 1) освобождение Италии от большевизма и 2) теперешнюю реформаторскую деятельность и перестройство итальянской жизни.

Для исчерпывающаго подведения итогов второму периоду, т.е. для оценки реформаторской деятельности фашизма — пока еще не настало время. Это дело будущей истории фашизма.

Что же касается до перваго периода, то здесь мы имеем весь нужный для этой оценки фактический материал перед глазами. Поставленные вождем фашизма цели движения уже достигнуты.

Энергия Муссолини и нескольких тысяч смелых, решительных, дисциплинированных патриотов освободили Италию от большевизма, который, казалось, вот вот разрушит ее.

ПЕРЕВОДЧИК.

ГЛАВА I.

Священная война за свободу.

В Италии ход событий обернулся против большевизма. Вполне возможно, что Италия спасла Европу. Победа фашистов, выдвинувшая вперед оригинальную, самобытную личность Бенито Муссолини, этого «рыцаря XV века в белых гамашахъ и въ визитке»,—еще не вполне понята и оценена внешним миром. Сравнительно еще немногие постигают теперь, что историки в будущем, говоря о нашем времени, поставят по значению, после великой войны, восстание итальянской молодежи против краснаго социализма.

По эту сторону Альп все еще полагают, что фашизм представляет собой только один из тех политических взрывов, которые время от времени колеблют Италию, очищая обломки непопулярнаго правительства, подготовляют фундамент для новой власти, обладающей всеми свойствами старой. Фашизм сделал гораздо больше. Он начал и закончил священную войну.

Целая нация внезапно поднялась из летаргическаго состояния и вновь высказала тот политический символ веры, который лежит в основе нашей цивилизации.

Итальянский народ, как верхний слой его, так и нижний, проникнутый прямо величественным энтузиазмом, снова провозгласил христианство, патриотизм, верность государству, свободу индивидуумов, права и обязанности всех классов общества, сотрудничество всех сословий для блага страны, повиновение установленной власти, общественную нравственность, словом, все те догматы национальной жизни, которые большевизм бросил в мусорную яму.

Средневековый писатель расцветил бы рассказ об этом национальном пробуждении волшебными узорами, ибо оно содержит все элементы старинной ле-

генды. Перед нами доблестный рыцарь, отправившийся почти с голыми руками, сопровождаемый насмешками врагов и робкими вздохами боязливых друзей, — на единоборство с Красным Драконом, силы котораго стремительно наростали. Вся страна находилась в опасности. Борьба была долгая и трудная. Порой казалось, что дракон вот-вот победит. Мало-по-малу, однако, дружина рыцаря увеличилась численно. И когда народ понял, что спасение возможно, он хлынул под знамя палладина.

И теперь змей убит, а доблестный рыцарь, который по происхождению лишь сын деревенскаго кузнеца, — стал первым министром короля.

Говоря точнее, змей не издох, но его сделали совершенно безвредным. Большевизм, который недавно еще был евангелием, с угрозами и проклятиями навязываемым беззащитным рабочим, теперь превратился, самое большее, в тайный культ. Явное проявление измены в Италии является теперь актом самоубийства. На улицах больше не оплевывают солдат, участвовавших в великой войне. Желающий зубоскалить над итальянским флагом должен предварительно составить свое завѣщание. Еще недавно московские наемники с открытым презрением говорили о короле даже в здании Парламента. Теперь оскорбление главы государства имело бы последствием горькие и болезненные размышления в госпитале или даже уединение могилы.

Положение Италии было почти неимоверно, когда фашизм прибыл к ней на помощь. Трудно даже поверить, чтобы нравственное чувство нации-победительницы пало так низко. А газеты большевиков, поощренные бездейственностью и робостью правительства до такой степени подчинили себе рабочих, что стали действительными правителями королевства, которое неукоснительно стремилось к анархии.

Ленин и Троцкий, понимая значение победы красных в стране, помогавшей выиграть войну — употребили все усилия, чтобы установить советское правительство в Италии. На помощь местным коммунистическим организациям присланы были деньги, пропагандисты и тайные агенты, которым не было никакой надобности прятаться, чтобы содействовать возможно

более быстрому падению цивилизации. Русским агентам усиленно помогали итальянские ренегаты, состоявшие на службе у Коммунистического Интернационала. Казалось, вот-вот они восторжествуют. Профессиональные союзы содержали много коммунистов. Было среди рабочих также много колеблющихся. Они сохранили еще следы былого патриотизма, но их угрозами заставляли принять новое ядовитое учение. Признавалось даже преступлением то, что кто-нибудь сражался за родину. Еще более важным преступлением являлось признание этого факта. Храбрые солдаты не могли больше носить знаки отличия, полученные на войне. Были глупцы, обманутые большевиками, стыдившиеся своих орденов.

И тогда выступил Бенито Муссолини. Он сам когда-то был синдикалистом и социалистом, но разочаровался. За горячую любовь к родине социалистическая партия даже изгнала его. Он основал фашистскую организацию. Муссолини возвратился с войны с многочисленными ранами и расшатанной верой в золотой век, который будет установлен социалистами. Муссолини видел обнаженную душу коммунизма, и она устрашила его. Через четыре месяца после подписания перемирья он собирал уже пионеров, чтобы спасти Италию от разрушения.

Таким образом начался крестовый поход чернорубашечников. Записываясь, они давали обет дисциплины, послушания и безусловной преданности родине и ея вере. В бесстрашных студентах, офицерах и рабочих, отдавших все, чтобы сражаться за свободную и здоровую Италию, вспыхнул снова мрачный, непреклонный духъ средних веков; запылал снова огонь самопожертвования того времени.

Мрачная одежда непреклоннаго века, презрение к наслаждениям жизни и к опасностям, фанатический героизм, словом, все уподобляло фашистов скорее воинам-храмовникам, чем политическим деятелям. Уже в ранние дни своего крестового похода фашистам чуждо было политиканство. Они с презрением относились к сравнительной безопасности тайного общества. При служебных обязанностях они носили черную рубашку своей организации; в остальное время они имели на

груди кокарду, свидетельствовавшую о целях их. Фашисты постоянно подвергались серьезной опасности. Они отреклись от всех наслаждений жизни и спокойно смотрели смерти в глаза. Новые крестоносцы сражались с таким же мужеством, как некогда боролись их предки у Гроба Гоподня.

Фашисты боролись с Красным Террором его же собственным оружием. Они пустили в ход репрессии, которые могут смутить наших пацифистов, стоящих за мир во что бы то ни стало. Московские методы вызвали в ответ методы фашистские. Фашисты не переняли у коммунистов бросания людей живыми в доменные печи, как делалось это в Турине по приговору краснаго трибунала, состоявшого из женщин. Чернорубашечники не пытали также людей, как это делают последователи Ленина в другой части Северной Италии; но они сумели убедить свирепых проповедников анархизма в том, что всякое преступление, совершенное во имя большевизма будет с лихвой отомщено, не прибегая к податливому правительству в Риме.

История неравной борьбы фашистов с большевиками, взятия «красных городов» горстью мужественных людей; ночных набегов; тяжелой работы, предпринятой, чтобы спасти умирающую общину от политической стачки; городов, которые фашисты кормили, охраняли и даже освещали, чтобы не дать согражданам умереть под игом коммунизма; побед и поражений; возрожденных надежд и моментов черного отчаяния; мрачных похорон, павших фашистов и еще более мрачного возмездия красным; постепенного увеличения рядов чернорубашечников по мере того, как рабочие, ободренные победами их, решались уходить от большевиков, — все это составляет изумительную эпическую поэму.

Затем сила фашистов стала наростать. Голос пробуждающагося народа слышался все явственнее. И, наконец, оковы упали, когда Север и Юг, вняв призыву Муссолини, потребовали свободы.

Мечта большевиков о походе на Рим осуществилась. Как Ленин надеялся, это был поход простых крестьян, из которых некоторые впервые видели большой город, да фабричных и заводских рабочих, перемешанные с другими общественными элементами. Все требовали свободы. Но это был поход против большевизма, а не во имя его.

У ворот Рима собрались 120.000 вооруженных фашистов. Многие из них были раньше социалистами и даже коммунистами. Все они были преданы родине. Все клялись отречься от всего личного, чтобы думать только об Италии. Подобно древним римлянам, фашисты пришли легионами, когортами или секциями, которыми командовали центурионы. Когорты носили имена прославившихся борцов.

Почти семь часов продолжалось прохождение фашистов через Рим. Огромная чернорубашечная армия в беретах с кистями, с карабинами на плечах и треугольными флагами в руках, была приветствована королем и народом.

То был конец и в то же время только начало.

Рыцарь в белых гамашах и визитке теперь — первый министр. Он не колеблясь принялся за переустройство Италии. Эта часть эпической поэмы только что началась, а между тем можно уже заметить изменившийся лик нации. Всюду в Италии началось пробуждение. Патриотизм стал священным делом, а самопожертвование наиболее высокой добродетелью. Партийные программы отложены в сторону. Наша родина, а не мы сами, прежде всего. Такова доктрина фашистов, проповедуемая и выполняемая на деле с такою настойчивостью, что другие народы с пользой могли бы поучиться.

Вот клятва, данная 15 тысячами фашистов в Пиаченце:

«Кровью 2000 мучеников, призываемых нами в свидетели и в судьи наших поступков, мы, чернорубашечники Пиаченцы, клянемся, что в течение одного года не будем носить на себе ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней. Мы, не покладая рук, будем безплатно работать для блага родины. Все наши ценные украшения мы отдадим в фонд, целью которого является поддержать добро, цивилизацию, красоту и гражданские доблести».

Все классы общества предлагают теперь свою попомощь новому правительству. Муссолини получает

около десяти тысяч писем в день; многие из них содержат предложения помощи. Итальянские газеты полны такими же заявлениями. Правительственные чиновники, большинство которых получает очень мало жалованья, предлагают единственное, что у них есть: готовность работать сверхсрочно без вознаграждения. Рабочие на правительственных табачных фабриках первые высказались работать на час в день больше без добавочного вознаграждения. За ними последовали канцелярские служащие разных министерств, рабочие в неаполитанском арсенале и служащие многих железных дорог. Другие железнодорожные рабочие вызвались отдавать правительству ежемесячно дневную заработную плату.

По инициативе самих служащих, потребительные лавки во флоте и армии (правительственные учреждения в Италии) запираются теперь не в 7, а в 8 часов. Армейские офицеры отдают часть своего очень маленького жалованья. Старые солдаты пишут военному министру, что они еще в силах зарабатывать хлеб своими руками и поэтому отдают свою пенсию нации. Женщины жертвуют свои драгоценные украшения. Не одна вдовица отдает свою лепту государству.

При Муссолини началась новая эра экономии, реформ и усиленного труда. Впервые мы видим министров, работающих усиленно, чтобы сократить канцелярию и чтобы направить служащих туда, где их труд может больше пригодиться. Министры опустошенных местностей работают днем и ночью, чтобы к следующему июню можно было совершенно упразднить это министерство и сохранить таким образом расходы.

Красный змей потерпел неудачу. Ленин совершенно правильно сказал, что большевизм и фашизм не могут существовать рядом. Эмиссары Ленина пытались ниспровергнуть Италию при помощи террора. Самопожертвование спасло страну.

В настоящее время возможно только обрывками рассказать про то, как коммунизм наростал и погиб, и про то, как Италия снова обрела душу. Один из вождей фашистов сказал мне: Мы были слишком заняты творением истории, а потому не имели времени писать

ее. Подробности движения, которые могут быть известны в одном месте, не должны еще быть обнародованы в другом.

Тем не менее, мне кажется, я собрал достаточно материалов, чтобы дать точную и убедительную картину состояния Италии в смутное время и ея спасения.

Вряд ли можно привести лучшее доказательство изменившагося настроения рабочих, чем письмо бедного неаполитанца Джованни Эпозито, живущаго близ Афраголы. Он недавно писал королю, прося разрешения на изменение имени маленького сына. В Италии это возможно только по специальному королевскому декрету. Джованни Эпозито в своем письме об'ясняет, что мальчик родился 28 декабря 1919 года. Большевистская пропаганда имела тогда огромный успех всюду в Италии. Крестьяне бывали вынуждены в то время принять революционные доктрины или подвергнуться бойкоту. И вот тогда Эпозито назвал своего сына Лениным. Когда же фашисты сделали безопасной Италию для патриотов, не стыдившихся того, что проливали свою кровь за родину во время великой войны, отец просил переименовать Ленина в Бенито Муссолини. Разрешение было дано.

ГЛАВА II.

Италія под управленіем коммунистов.

Картина одурманенной Италии, беспомощно находившейся в руках коммунистов, не такого рода, чтобы ее приятно было бы вспомнить будущим поколениям патриотов. То была постыдная картина.

Чтобы оценить вполне величие победы фашистов, надо представить себе Италию, когда социалистический режим достигал наибольшей силы. Предательские доктрины, распространенные Москвой, парализовали совершенно нацию, правительство которой боялось проявить силу, а общество в ослеплении терпело.

Первые симптомы болезни носили только, как будто бы, невинный характер. Мы наблюдали их в других местах и спокойно проходили мимо них. В

уличных процессиях развевались красные флаги; коммунисты пели революционные гимны на митингах; в печати и с платформы раздавались яростные осуждения Парламента и трона; делались призывы к классовой ненависти; толпу призывали к насилию. Так началась болезнь Италии. Правительство только смотрело на все это. Когда оно вынуждено было действовать, то пыталось убеждать и просить. И это именно действовало, как петроль на огонь.

Пропаганда против армии и против национализма наростала с такою стремительностью, что солдат стал об'ектом ненависти, который надо истребить. Всюду по стране раз'езжали красные агитаторы и пропагандисты, произнося разрушительные речи, в которых обличали войну, поощряли анархию, глумились над увечными воинами и призывали к захвату чужой собственности. Правительство сидело сложа руки.

В течение двух лет коммунисты господствовали в Северной Италии. Только они могли расклеивать плакаты и воззвания. Коммунисты угрожали тем, кто выступал против них, оскорбляли и даже убивали.

В муниципалитетах, захваченных грубой силой коммунистами, либеральному меньшинству не разрешали высказывать свое мнение. Большинство заставляло ораторов замолчать при помощи криков или бросания палок и стульев.

Рабочих насильно вербовали в коммунистические клубы и облагали тяжелыми налогами. И, если рабочие не могли или не хотели платить, к ним являлись ночью и взыскивали двойную сумму. В случае, если рабочие не могли уплатить штрафов, их жестоко избивали. Коммунистические ораторы проповедывали свободу для рабочих классов, устанавливая в то же время такое рабство, какого трудящиеся массы никогда раньше не знали.

Политикой коммунистов было запугивание правительства. «Чем больше правительство уступает, тем сильнее надо нажимать на него; чем сильнее мы будем нажимать, тем больше оно будет уступать», — говорили коммунисты.

Когда открылся первый парламент после войны, все социалистические депутаты гурьбой вышли из палаты, как только вошел король. Некоторые социалисты при этом делали даже угрожающие жесты и кричали: «Долой его...»

Презрение к армии наростало с такою стремительностью, что в 1920 году правительство специальным распоряжением запретило солдатам появляться на улицах в мундире и при оружии. Храбрые воины, доблестно ведшие на войне солдат в атаку, подвергались на улицах самым грубым оскорблениям. Озорники срывали с них ордена. Воины эти на оскорбления могли отвечать только кулаками, тогда как оскорбители были вооружены ножами и револьверами.

Железнодорожные рабочие являлись хозяевами государственных железных дорог. Если офицер в мундире вошел в вагон, то кондуктора требовали удаления его. И если офицер отказывался уйти, его выбрасывали. Об'ектом особой ненависти стали карабинеры и королевская гвардия, охранявшие порядок. Против них пущены были в ход насилия всякаго рода. Над отрядами, посланными, чтобы установить порядок, смеялись. В солдат плевали. Обиженным было приказано, чтобы они не смели защищаться. Если карабинеры или королевская гвардия пытались воспользоваться поездом, чтобы отправиться из одного города в другой, железнодорожные служащие отказывались двинуться с места, покуда солдаты не уйдут из вагонов. В рядах армии стало обнаруживаться неудовольствие и непослушание. Солдаты не могли постоянно выносить обращения с ними, как с дикими животными. Коммунисты, между тем, действовали все более и более вызывающе.

С тех пор, как началась война, в Италии не было правительства настолько смелого, чтобы сказать полиции, что она может пустить в ход оружие, если на то будет крайняя необходимость. Правительственные приказы формулированы были в неопределенных выражениях. Полиции рекомендовалось «проявлять твердость, но в то же время сдержанность». Теперь, послушайте, каковы были результаты.

Когда рабочие в Милане захватили несколько фабрик, полиция получила приказ не вмешиваться. Поручик королевской гвардии вел грузовик с несколькими

ми солдатами, когда по ним раздались выстрелы с крыш фабрик, где засели рабочие с винтовками. Поручик направил грузовик, как таран в воротъ фабрики, выбил их и заставил 300 вооруженных рабочих, засевших в здании, сдаться. За это офицер был разжалован и прогнан со службы. Он не действовал с достаточной «сдержанностью».

Поручик карабинерского полка получил приказ повести своих солдат из одной деревни в другую, где происходили беспорядки. Прямая дорога вела через деревушку, все мужское население которой устроило баррикаду. За этим заграждением крестьяне, вооруженные охотничьими ножами, ждали карабинеровъ. Чтобы избежать кровопролития, проявляя «сдержанность», поручик обошел деревню. За это его разжаловали и прогнали со службы. Офицер не проявил достаточной «твердости».

Правительственные поступки подобнаго рода, с одной стороны, приводили в уныние полицию, а с другой — раздражали лойяльную часть населения. Становилось до очевидности ясно, что нет другого пути к свободе, кроме присоединения к фашистам, т.е., кроме самоосвобождения.

Бездеятельность правительства прямо играла в руку агитаторам. Правительство несколько раз отказалось увеличить жалованье младшим служащим министерства и не дало им, таким образом, возможности жить сколько нибудь сносно. Тогда чиновники, в отчаянии, соединились в род социалистического трэдъюниона. Испуганный первый министр тогда согласился на уступки, которые обязан был бы сделать добровольно, по собственной инициативе. Конечно, красные не преминули привести этот факт для оправдания своих дальнейших террористических выступлений. На придачу, на правительственной службе состояли настоящие коммунисты, открыто подрывавшие устои государства. Приведу один факт. Начальник центральной почтовой конторы в Риме, во время служебных часов, был занят маханием красным флагом и распеванием коммунистических гимнов. Телеграфисты, дежурившие ночью, отправили очень мало

телеграмм, или даже совсем их не посылали, хотя получали дополнительную плату за ночную работу.

Когда же правительство решило действовать и уволило коммуниста-почтмейстера, все почтовые служащие пригрозили стачкой, если революционера не примут обратно на службу. Его приняли. Рабочие не дозволили также правительству принять какие-нибудь меры против ночных телеграфистов, получавших дополнительное жалованье и не желавших работать.

Крестьяне, которым агитаторы толковали, что земля принадлежит работающим на ней, захватили поместья. Правительство не решалось заступиться за землевладельцев. На севере Италии коммунистические кооперативные общества контролировали весь сбор урожая. Помещику не дозволяли нанять ни жнецов, ни молотильщиков. Они не могли пользоваться также земледельческими машинами. Его урожай погибал, и хлеб осыпался или поле убирали другие.

Заводы и фабрики работали плохо, а стачки об'являлись по самому ничтожному поводу. Коммунизм настойчиво стремился к парализованию промышленности целой страны, чтобы таким образом поставить в прямую зависимость от себя все то население, которое еще не присоединилось к революционерам.

С этой целью основаны были коммунистические кооперативы. Правительство обязано было субсидировать эти кооперативы, и рабочие должны были состоять сочленами. На севере Италии, т.е. в промышленном центре королевства, все рабочие должны были стать большевиками. Сотни рабочих, против воли, под давлением, заявляли себя публично коммунистами, на что горько жаловались в тесном кругу.

Даже в дни наибольшей власти красных, далеко не все рядовые социалисты были большевиками. Собственно коммунистический, боевой элемент всегда был, как мне сказали, сравнительно невелик. Но вожди так искусно подражали своим предшественникам, насадившим в России Советы, что гнали, как бы бичем, тысячи безвольных рабочих, которые сами не знали, куда они идут. Правительство не решалось заступиться за рядовых рабочих. Полиция не решалась вмешаться. Что же касается армии, то само сло-

во это равносильно анафеме. И рабочие, как бараны, устремились в коммунистический загон.

Социалистические муниципальные советники стремительно доводили богатые и цветущие города до банкротства. В Милане трамвай, когда он находился в руках частной компании, приносил городу от 2-3 миллионов лир в год и, кроме того, давал акционерам существенный дивиденд. В руках социалистической администрации трамвай в один год дал дефицит в 22 миллиона лир, не считая правительственной субсидии в 6 миллионов. Трамвай при социалистах приведен был в такое состояние, что теперь необходимы 40 миллионов лир для ремонта.

Когда коммунисты управляли Миланом, на каждые 1000 человек населения приходилось двенадцать муниципальных служащих. Высчитано, что отправка каждого письма через посыльного обходилась городу в 2,8 лир. Всего на отправку записок через посыльных израсходовано в год миллион лир.

Социалистические муниципалитеты создали целый ряд синекур для своих знакомых. Сторож заброшенного кладбища, довольствовавшийся раньше 50-ю лирами в месяц, стал получать 700 лир в месяц. Конторщики, имевшие в других, не коммунистических городах, право на пенсию в 8.000 лир, в коммунистическом Милане получили право на пенсию в 18 тысяч и даже в 21 тысячу лир. В результате большинство конторщиков поспешило удалиться на покой.

В Милане коммунисты организовали покорных, как красную гвардию. Гвардейцы получали 18 тысяч лир в месяц, затем еще добавочных 7.000 лир, да, кроме того, мундиры, квартиру и содержание.

Все это делалось, конечно, в целях пропаганды, чтобы увеличить сим ряды красных.

Патриотизм и гордость своим отечеством всячески осмеивались. Социалистические газеты восхваляли, как героев, дезертиров с фронта и изменников, бежавших в начале войны в Австрию и Швейцарию. Без всякаго протеста со стороны властей, открыто продавались бесстыдные каррикатуры на короля.

В коммунистических центрах забивали на смерть рабочаго, носившаго национальную кокарду или при-

ветствовавшаго национальное знамя. Над религией глумились. Экстремисты похвалялись тем, что они сдѣлаютъ если захватят столицу, как захватили народ.

На все это крестоносцы в черных рубашках глядели с затаенным бешенством. И они поклялись тогда не покладать рук, покуда не очистят Италию от большевистского яда.

ГЛАВА III.

Сын кузнеца Муссолини.

Крайне знаменателен факт, что Бенито Муссолини, хотя сам был всю жизнь социалистом, разочаровался в социализме, как только увидал учение это на практике.

Около девяти лет тому назад социалистическая партия, проповедывавшая благородные начала, решила испытать их, для чего она об'явила республику в Равенне и в Форли. Муссолини тогда пришлось наблюдать сцены обжорства и пьянства; он видел маханье красными флагами, грабеж, бессмысленное истребление имущества и уничтожение скота. Золотой век, обещанный социалистами, открылся тем, что на базаре в Молинелле продавали кур, отобранных у крестьян за самую мелкую итальянскую медную монету.

Предметный урок этот убедил Муссолини, что средний социалист не только не практичен, но представляет очень мало симпатичного, когда имеет возможность проявить себя. Муссолини отрекся от социализма всего с 1914 года, когда недолго продолжавшееся восстание обнаружило жадность, эгоизм и жестокость.

Таким образом, генезис успешного восстания против коммунизма может быть прослежен еще с 1914 года. Муссолини всю жизнь был социалистом. Отец его, кузнец в Предайнио, в 12 милях от Форли, был тоже убежденный социалист, хотя социализм его и отличался большим идеализмом от современного коммунизма, взывающего только к зависти и жадности.

Деревенский кузнец внушил сыну идеалы любви и справедливости.

Почти мальчиком еще Муссолини принял участие в политической борьбе. Его убедили выставить свою кандидатуру на парламентских выборах. Другим кандидатом был богатый человек, котораго и выбрали. Муссолини в ярости разбил тогда избирательную урну. Его хотели арестовать за это, и молодой человек бежал в Швейцарию. Здесь он учился многому. Между прочим, Муссолини изучил в совершенстве французский язык и стал душой социалистической газеты. Швейцарское правительство забеспокоилось и изгнало его. Любопытно, что приказ об изгнании был отменен только, когда Муссолини стал первым министром.

Затем Муссолини путешествовал по Франции, был амнистирован итальянским правительством, возвратился на родину, где в провинции Эмилия издавал социалистическую газету, принимал участие в социалистическом конгрессе, состоявшемся в Анконе, стал признанным вождем и получил предложение издавать газету «Аванти», являющуюся оффициальным органом итальянской социалистической партии.

Все то время Муссолини был социалистом. Он имел многочисленных последователей и его считали в партии восходящей звездой. Интересно, в связи с дальнейшим ходом событий, вспомнить предсказание, сделанное в 1912 году известным социалистическим писателем Жоржем Сорелем: «Наш Муссолини не обыкновенный социалист. Верьте мне, вы, вероятно, еще увидите, как он, во главе священного баталиона, салютует с поднятой шпагой итальянский флаг. Муссолини — итальянец ХУ века. Никто этого еще не знает, но Муссолини единственный энергичный человек, способный поддержать слабое правительство.»

Никакое пророчество не оправдалось в такой мере, как это.

Затем, когда социалисты стали в Форли и в Равенне «боевиками», наступило разочарование. Выяснился ряд фактов, доказывавших, что Муссолини, действительно, «не обыкновенный социалист». Когда

итальянский и австрийский премьеры условились встретиться в Аббации в 1914 году, социалисты решили держаться в стороне от этих переговоров. Муссолини заявил своим единомышленникам, что они неправы, так как решения, которые будут приняты в Аббации, должны иметь огромное значение для Италии. «Эта страна никогда не будет социалистической, если, прежде всего, не станет итальянской», — сказал он.

Затем наступила великая война. Социалисты высказались против нея, тогда как Муссолини был за войну. Он заявил, что дело идет «о самых основах цивилизации и о догматах истории». Он допускал, что капитал содействовал наступлению великой войны, но отказался использовать этот факт для пропаганды итальянского невмешательства в трагедию. Муссолини взвесил все и об'явил, что Италия должна выступить против Германии.

И тогда все прежние единомышленники обрушились на Муссолини и стали вопить: «Убей его».

25 ноября 1914 г. Муссолини спокойно и холодно выступил на большом митинге против своих обличителей. Он сказал им, что интересы страны должны быть выше всех остальных соображений». «Предупреждаю вас, что отныне буду безжалостен к тем, которые в этот трагический момент не высказывают, что действительно думают, так как их страшат крики: «Долой его».

Таким образом Муссолини, прийдя к заключению, что Италия должна принять участие в войне, пожертвовал всем. Ему было тогда лишь 29 лет, перед ним было блестящее будущее вождя всей социалистической партии. Все выдающиеся члены партии льстили ему, народ ему удивлялся, а противники социализма страшились Муссолини. Выступая против решения партии, он мог рассчитывать лишь на презрение, насмешки, ненависть, на измену друзей и на гибель всей политической карьеры. Партия изгнала его. Муссолини поступил согласно убеждениям, но он сразу потерял весь успех, которого добился втечение многих лет.

Отступничество Муссолини явилось величайшим

ударом, какой только итальянские социалисты понесли за последние годы.

Муссолини начал издавать 15 ноября 1914 года новую газету «Пополо д'Италия». В этой газете Муссолини изо дня в день доказывал, что Италия должна присоединиться к войне. Редактор осуждал «вялую и робкую» иностранную политику министерства. И, если Италия присоединилась потом к державам согласия, то этому больше всех содействовал Муссолини. «Нейтральные государства никогда еще не управляли событиями, но всегда подчинялись им», сказал он в Парме в декабре 1914 года. — Мы должны действовать, сражаться и, быть может, погибнуть».

Когда война была об'явлена, Муссолини просил отправить его на фронт добровольцем. Ему отказали в этом, но, в конце концов, он все-таки записался волонтером в 11-ый полк «берсальери», сражался с отменным мужеством, был ранен шрапнелью и стал инвалидом, непригодным для дальнейшей службы. Таким образом, до окончания войны, Муссолини снова очутился не в мундире, а в Милане.

«Пополо д'Италия» стала великой военной газетой. Она насаждала бодрость и внушала народу уверенность в неминуемость победы. Таким образом, газета привила не только более здоровое чувство, чем остальные социалистические газеты, обличавшие войну и употреблявшие все усилия, чтобы кончить ее во что бы то ни стало.

Коммунисты, между тем, начали проявляться. Гибель старого строя в России породила у итальянских социалистов мысль о революции в королевстве. Москва стала для итальянских социалистов мистическим символом. Ей поклонялись, ее почитали, как чтит только африканский дикарь свою «дику-дику», т.е. свой идол. Задолго до подписания мирного договора, в северной Италии можно было уже заметить влияние большевиков. Оно отразилось даже на армии. По мнению многих итальянцев, поражение при Капоретто, в значительной степени обусловлено усилиями агитаторов, рассеянных среди разных полков.

Социалисты были тогда преобладающим элементом во внутренней политике Италии. Они делились на две партии: на «официальных» социалистов и на, так называемых, «социалистов-реформистов». Две другие партии — «демократическая трудовая» и «республиканская», хотя имели иную программу, чем партии социалистические, поддерживали их анти-правительственную и анти-династическую политику. Позади, в тени, работали коммунисты, стремившиеся выковать из четырех упомянутых партий одно оружие против общества.

Итальянская армия, возвратившись с фронта, нашла, что патриотизм вышел из моды. Социалисты уже до такой степени отравили народное сознание, что их последователи смотрели на победу, как на большее несчастье, чем поражение. И итальянские солдаты, вместо того, чтобы гордо шествовать, как их братья по оружию в других странах Согласия, попрятались по задворкам, как будто побежденные. Социалисты осыпали насмешками солдат, возвратившихся с фронта.

Правительство приняло требование социалистов об отмене триумфального шествия солдат через Рим. Правительство, обнаруживая таким образом отменную трусость, было убеждено, что ведет примирительную политику. Приготовленные триумфальные арки и другие украшения в древне-римском стиле были уничтожены.

Эта капитуляция перед врагами Италии открыла глаза многим, верившим прежде в социалистическое движение. Они последовали за Муссолини, когда «сын кузнеца» превозгласил: «Социализм — идол. Отбросьте его и помогите мне спасти Италию». На первых порах у Муссолини было немного последователей, но то были решительные люди.

Как только мир был подписан, началась усиленная работа со стороны нарушителей общества.

Социалисты, указывая на Версаль, задавали рабочим вопрос: «Что вам дала война?» Водой на мельницу красных пропагандистов явились: вздорожание условий жизни, широко распространенная безработица и обесценение итальянской монеты.

«Во время войны только некоторые высказывались так: Ну, что ж. Пусть прийдут австрийцы; мы и

под австрийским императором проживем, как под итальянским королем. Теперь же многие говорят: Ну, что ж. Пусть придет революция. Больше так жить невозможно». Так передавал мне один из помощников Муссолини.

Эти люди пребывали пассивными, когда большевики действовали. Рядовой обыватель говорил, что армию и флот надо совершенно уничтожить, так как войны больше не будет. Офицеры сделались об'ектом для оскорблений всякого рода. Правительство назначило следствие по поводу поражения при Копоретто. И это следствие приняло характер состязания в закидывании грязью, от которой пострадали многие доблестные воины. Большевики использовали для своего дела и это следствие.

Сколько-нибудь заметной пропаганды патриотизма не было совершенно. Муссолини был — глас, вопиющий в пустыне. Большевики поступали, как хотели. Правительство боялось их, и большевики знали это. Таким образом, численность большевиков и силы их — наростали.

Муссолини убедился, что от Рима не будет помощи лойяльной части населения. Рабочие, желавшие лишь иметь достаточную заработную плату, чтобы жить и сохранившие еще верность родине, вербовались в ряды социалистов под угрозой голодной смерти в случае отказа. Через четыре месяца после заключения мира Муссолини убедился, что Италию может спасти от внутренних врагов только вмешательство бесстрашных патриотов, не боящихся рисковать жизнью и готовых стать в техническом смысле слова нарушителями закона, чтобы спасти закон и общественный строй.

ГЛАВА IV.

Давид выступает против Голифа.

Когда фашизм народился, ни одна газета не отметила этого факта.

Муссолини не забыл отметить это пренебрежение. В течение следующих восемнадцати месяцев, когда его чернорубашечники с трудом завоевывали поло-

жение, Муссолини не раз повторял в своей газете «Пополо д'Италия» что презрительное пренебрежение скоро исчезнет.

— Будет день, когда вы начнете говорить о фашистах, сказал Муссолини. — Клянусь, вы будете говорить о них». И, действительно, такой день наступил.

Организация, возникшая 25 марта 1919 года в Милане, представлявшем собой очаг коммунистической агитации, намекает своим названием на символ древняго Рима. Эмблемой власти его был топор палача, воткнутый в Faces, т. е. в пучек прутьев, которым наказывали преступников. И первая группа волонтеров, собравшаяся вокруг Муссолини и давшая обет дисциплины, послушания, лойяльности государству и преданности вере,—получила название Fasci.

Первыми крестоносцами этими были, по преимуществу, отличившиеся на войне, отставные офицеры и солдаты из «Ардити», т.е. из ударных полков. Они были бесстрашны, готовы на всякий риск и охотно брались за безнадежное дело, чтобы спасти родину.

Дисциплина в рядах фашистов была такая же суровая, как в «Ардити», откуда новые крестоносцы заимствовали несколько характерных черт. «Ардити» делились на две секции: на «Fiamme Rosse», что значит «Красные огни» и на «Fiamme Nere», или «Черные огни». Название это произошло от красной и черной кокард, изображавших пламя. Красный цвет являлся символом социалистов. Фашисты, поэтому, избрали черный цвет.

Мундиром их явилась черная, прилегающая к телу рубашка, брюки военного образца из серо-зеленого сукна, суконные обертки, крепкие башмаки и черный колпак в виде фески, с черной кистью.

На рубашках нашита была кокарда из национальных цветов и отличительный значек полка, изображающий иногда череп и перекрещенные берцовые кости. На службе фашисты никогда не носили шинели, чтобы руки были всегда свободны. Во время военных выступлений, колпак с кистью заменялся стальным шлемом. Фашисты были вооружены револьверами и палками, налитыми свинцом, которые оказались очень

полезными в рукопашном уличном бою. Коммунисты ненавидели эти палки. Впоследствии, рядовые фашисты были все вооружены короткими карабинами военного образца. Своим гимном фашисты избрали песню «Ардити», «Giovinezza», т.е. гимн юности. К песне прибавлены были новые строфы. Фашисты приняли манеру салютования древних римлян, т.е. путемъ вытянутой вверх правой руки. Этот жест ввел д'Аннунцио в Фиуме. Боевой крик фашистов, как у древних греков: «Эйя, эйя, алала!...» Во время войны то был боевой крик летчиков, введенный по предложению д'Аннунцио же.

В начале фашисты делились только на «манипoли» или взводы из 20-30 человек. Когда движение разрослось, Муссолини ввел то же деление, как в древних войсках. «Манипoли» соединены были в сотни под начальством центуриона. Полк, стоящий в каждой провинции, составлял «когорту», которая могла содержать неопределенное число сотен. Войска каждого округа находились под начальством консула. Над консулом стоял окружной инспектор. Высшее военное командование находилось в руках «Совета троих». Во время военных действий, которые привели в Рим 117.000 фашистов, «Совет троих» состоял из отставного генерала Дебоно, капитана Чезаре Мариа Девечи, который теперь товарищ военного министра и лейтенанта в отставке Итало Болло.

Муссолини был душой всей организации. Он не ограничил свою деятельность только канцелярской работой и выступлениями, как оратор, но не раз принимал участие в боях с коммунистами.

Сперва фашисты были безконечно слабы, сравнительно с красными силами. Даже противники социалистов в начале косились на новых крестоносцев. Коммунисты называли фашистов агентами «царского заговора», имеющаго целью социальное и промышленное порабощение Италии. Их обличали, как закоренелых реакционеров. В первое время борьбы фашистов с большевиками, не все в Италии оценили беззаветную преданность крестоносцев долгу и их самоотверженность. Они, несмотря ни на что, стойко шли

по каменистому пути к свободе, убежденные, что мир оценит их по достигнутым результатам.

То был бой пигмея с гигантом.

«Пополо д'Италия», из социалистической газеты, стала органом «отставных воинов и производителей». Прежняя газета Муссолини «Аванти» продолжала свои яростные нападки на него и на фашистов вообще. На общих выборах 1919 года фашисты выставили кандидатуру Муссолини, музыканта Тосканини и футуристского художника Маринетти.

Муссолини получил только 5000 голосов, тогда как социалист Турати был избран 100.000 голосами. «Аванти» тогда так писало о поражении фашистов: «Разложившееся тело кандидата-неудачника Муссолини найдено в сточной канаве». Ответ Муссолини можно было бы формулировать пословицей: «Цыплят по осени считают».

Поражение не привело Муссолини в уныние. Он назвал победу социалистов «бумажной» и еще усерднее принялся вербовать фашистов.

Когда экспедиция в Фиуме в сентябре 1919 года стала великим событием дня, фашисты приветствовали ее, как «мятеж духа против грубой силы» и всецело стали на сторону д'Аннунцио. Покуда судьба Фиуме колебалась на весах, фашисты всеми силами помогали поэту удержать город. В течение всего 1920 года половина всей энергии крестоносцев ушла на эту поддержку.

Когда д'Аннунцио в конце концов восторжествовал, фашисты снова сконцентрировали все свои силы против коммунистов. Движение разросталось и мобилизационный аппарат его совершенствовался.

Социалисты, между тем, своим беззаконием и террористическими методами отпугнули от себя во многих местах население. Первые признаки более здорового настроения появились сперва в провинции Эмилия, потом в Кремоне, в Мантуе, в Южной Венеции и в Умбрии. И, заметив отчуждение населения, социалисты усиленнее стали прибегать к террору. Эти меры вызывали возмездие со стороны фашистов, что, в свою очередь, порождало репрессии со стороны социалистов. Таким образом, на севере Италии создал-

ся порочный круг, из которого, как будто бы, не было выхода. Фашисты спокойно и методично продолжали свою суровую работу. Даже в крайнем раздражении они не прибегали к чрезмерным эксцессам, а наказывали виновных съ спокойствием палачей. Они поджигали коммунистические клубы, в которых обсуждались террористические выступления. Коммунисты-убийцы погибали в уличных боях или встречали смерть дома. Людей, просто обманутых большевистскими агентами, избивали и отпускали в надежде, что боль принесет с собой здравые понятия.

Весною 1921 года почувствовались результаты реакции против социалистов и коммунистов. На выборах фашисты получили 32 места, что уже была большая победа. Муссолини, получивший недавно только 5000 избирательных голосов, был избран почти единогласно в Ферраре и в Милане, т.е. в двух социалистических центрах. Сын деревенского кузнеца, работавший раньше чернорабочим, чтобы добыть дневное пропитание, был послан теперь в Рим чтобы в Палате депутатов возвестить законодателям о правах и намерениях фашистов.

Фактически, то было рождение фашизма, как политической партии; но *формально* новая партия начала существовать с ноября 1921 года, когда открылась сессия нового парламента.

Крестовый поход, между тем, продолжался, приобретаяя все новых сторонников; но темп его замедлился. Правительство было слабо и бесконечно боялось боевых социалистов, пред которыми рабски лебезило. В руках коммунистов, на севере Италии, был целый ряд городов, как Анкона, Ливорно, Милан и Болонья. Политические стачки душили промышленную жизнь страны. И только в ноябре 1921 года, когда в Болонье был убит увечный воин Джордано, впервые выяснилось, что население становится на сторону фашистов, так как видит в них противоядие против коммунизма. Убийство это является одним из поразительных примеров того, как один факт сразу меняет настроение массы. Впрочем, каждый раз, когда погибал фашист, число волонтеров, записывавшихся в ряды крестоносцев, увеличивалось. Вот по-

чему, поучительно рассказать про то, что случилось в Болонье.

Город этот представлял собою, вероятно, самый типичный питомник коммунизма в Италии. Промышленная жизнь здесь страшно развилась за время войны, число рабочих очень увеличилось, но средние классы не усилились в Болонье, как в двух других промышленных центрах: в Милане и в Турине. На муниципальных выборах 1921 года красные в Турине были разбиты, а в Милане они прошли только большинством в 3000 голосов, хотя всех избирателей там 140 тысяч. В Болонье коммунисты одержали верх на выборах. Согласно обычаю, мэр, Госуда избранный коммунистами, пожелал произнести свою речь с балкона ратуши. То было 21 ноября 1921 года. Коммунисты решили по этому поводу устроить громадную манифестацию, с огромным, специально изготовленным, красным флагом.

Фашисты, которых было всего несколько сот, запротестовали против красного флага и посоветовали коммунистам лучше не выступать с ним. В конце концов обе партии уговорились так: коммунисты не пойдут с красным флагом по улицам, но покажут его только с балкона ратуши в то время, как будет говорить мэр. Коммунисты нарушили уговор, и красный флаг был поднят над знаменитой башней Азинелли.

Фашисты взяли башню штурмом и спустили красный флаг. В то время, как они возвращались, в них стреляли. Толпа, собравшаяся на площади, чтобы слушать речь мэра и состоявшая, большею частью, из коммунистов, подумала, когда раздались выстрелы, что то напали фашисты. Она метнулась во все стороны, чтобы найти прикрытие от пуль.

Коммунист -советник, стоявший у окна, принял бегущую толпу за фашистов, собирающихся взять приступом ратушу. И он стал бросать ручные бомбы, которые принес с собою на первое заседание нового муниципалитета, вероятно, чтобы сделать более убедительной аргументацию коммунистов. Муниципальные советники тоже вскочили с мест, выхватили револьверы и стали стрелять в буржуазных советников.

На площади было много убитых и раненых. В

ратуше было убито револьверными выстрелами несколько советников не-коммунистов, принадлежавших к партии «Блокко делль Ордине» (Партия порядка). В числе убитых наповал находился увечный воин Джордано. Смерть эта произвела глубокое впечатление в Италии, и фашисты приобрели на другой же день много волонтеров: студентов, отставных солдат и не мало также рабочих, отставших от коммунистов.

ГЛАВА V.

Фашисты-мученики.

В течение почти двух лет фашисты боролись в Северной Италии с большевиками небольшими отрядами, рассеянными по всем городам.

Им удавалось мобилизовать отряды для специальных целей, но обычно местная секция для борьбы с коммунистами состояла из группы, насчитывающей от 5 - 20 человек.

Только в январе 1921 года фашисты превратились в военную организацию, способную выполнять операции, указанные центральным штабом.

До того времени горсточка людей, совершенно изолированная, вела неравную борьбу с коммунистами. Правительство относилось враждебно к фашистам, называя их опасными революционерами. Милан, Болонья, Анкона и Ливорно всецело находились в руках красных муниципальных советников. У власти коммунисты становились путем давления на избирателей. Красные муниципалитеты, следуя московской практике, немедленно вооружали пролетариат и заводили красную гвардию. Пожарные, полиция и конторщики, соблазненные сильно повышенным жалованьем, подпадали под влияние красных муниципалитетов и довольно верно служили им.

В этих центрах коммунизма фашисты составляли лишь крошечные ячейки, с которыми победители на первых порах даже не считались. В Анконе, например, было не больше десятка чернорубашечников. В Фано, являющемся важным рыбачьим портом не Адриатическм море, насчитывался только один последователь Муссолини; этого чернорубашечника били жестоко, так что он почти все время отлеживался в госпитале.

В марте 1919 года в Милане было только 75 фашистов. К концу того же года их было уже 1000.

В твердынях коммунизма крошечные фашистские ячейки были совершенно беспомощны. День их пришел, когда фашизм создал армию. Анкона долго будет помнить взятие города 32 удальцами и правление их в течение месяца. В сельских округах чернорубашечники решительно выступили против захвата земли большевиками. Крестьяне усвоили коммунистический тезис, что земля принадлежит им, и что помещики должны умереть с голоду.

Крестьяне осуществили то, чему их учили. Почти вся земля в Северной Италии обрабатывается исполу. Землевладелец дает крестьянину жилище, необходимые орудия, а также деньги на посевы. Крестьянин обрабатывает поле, сеет, жнет, а затем урожай делится пополам. Коммунисты сказали крестьянам, чтобы они взяли все, не давая ничего.

В некоторых местах крестьянин засевал все поле, затем делил его на две части красными флажками. Он убирал потом свою половину, оставив помещичью половину неубранной. В других округах крестьяне даже не засевали другую половину поля.

В самом разгаре захвата полей, коммунисты являлись к помещикам и взымали с них большие налоги за право владения землей. В других местах земля просто отбиралась. Если помещик пробовал сопротивляться, против него употреблялись репрессии, иногда крайне свирепого характера. В Поллезине, напр., в Южной Венеции один помещик оказал сопротивление, когда у него конфисковали землю. Ночью местные коммунисты выкопали из могилы дочь помещика, скончавшуюся за неделю до того и положили труп на пороге дома упрямого землевладельца.

Такие поступки повели, в конце концов, к падению коммунистов. В Поллезинском округе, напр., через год после описанного события, фашисты одержали победу на выборах в 60 округах из 62-х. Ком-

мунисты, следуя наказам из Москвы, завладели через посредство своих кооперативов, всеми сельскохозяйственными машинами и открыто об'явили, что намерены разорить помещиков.

Только крестьянский хлеб мог быть обмолочен. Крестьяне, наслушавшись коммунистов, стали по своему толковать обычай работать исполу. Они решили, что половина помещичьяго скота принадлежит им. Придя к такому заключению, крестьяне потребовали от помещиков деньги «за свою половину». Получив эти деньги, крестьяне ушли в города, бросив скот на произвол судьбы. В результате, во всем Кремонском округе весь рогатый скот и свиньи подохли от голода и жажды.

Таким образом, перед фашистами встал вопрос о спасении земледельческих округов. Прежде всего, они позаботились накормить и напоить скотину, брошенную крестьянами на произвол судьбы. Крестьяне во многих местах встретили фашистов ножами и вилами, не давая спасать помещичий скот. Фашисты не только спасли скот, но убрали также помещичий хлеб, исходя из положения, что это необходимо государству и что землевладелец имеет такое же право жить, как и крестьянин.

Затем, когда хлеб был убран, прибыли отряды чернорубашечников и обмолотили снопы. Первый опыт подобного рода произведен был в Зола-Предозе, в нескольких милях от Болоньи. Крестьяне забили в набат и собирались с оружием в руках. Крестьян было очень много, а фашистов лишь горсточка. Молотьба прекратилась, и крестьяне, ликуя, увезли молотилки.

В ту же ночь к владельцу молотилки явились фашисты, потребовавшие назвать им крестьян-самоуправцев.

— Зачем? — спросил помещик.

— Мы снимем им головы, если молотилка не будет возвращена вам к шести часам утра, — ответил предводитель фашистов. — Если машины не будет у вас к утру, вы пойдете с нами к крестьянам, чтобы не произошло ошибки, когда будем рубить головы.

Фашисты не рубили никому голов, в особенности

крестьянам; но угроза, тем не менее, подействовала. Крестьяне в ту же ночь возвратили машину, а на другое утро молотьба продолжалась уже беспрепятственно.

Эти выступления фашистов в сельских округах носили индивидуальный характер. Выполнялись они местными группами по собственному почину. За ними не было тогда еще никакой силы. В глазах правительства эти фашисты были нарушителями законов, а в глазах коммунистов — опасными врагами, от которых надо отделаться во что бы то ни стало.

И тем не менее, фашисты смело шли вперед, борясь с анархией и пытаясь убедить крестьян, что те раззоряют не только страну, но и себя. Смелость фашистов, большею частью юношей, импонировала коммунистам, не решавшимся нападать, не смотря на свое огромное численное превосходство. Большевики точно знали, что фашисты всегда приводят в исполнение обещания: страх неминуемых возмездий удерживал коммунистов от убийств.

Приведу один пример. Дело идет о Чезаре Росси, одном из первых и наиболее ревностных фашистов. Пример этот свидетельствуте о настроениях коммунистов в Северной Италии. Росси — землемер, которому правительство поручило отстроить деревню в Романьи, разрушенную землетрясением. Он был начальником местных фашистов, всего человек в двадцать. Весь округ был большевистским. Коммунисты здесь могли выставить тысячи вооруженных людей. Росси часто работал в глухих местах и возвращался один ночью.

Росси утверждает, что он еще в живых только потому, что большевики хорошо знают его удивительное уменье стрелять без промаха. Коммунистам было доподлинно известно, что если они выстрелят и не попадут, то он, Росси, ни в коем случае не промахнется. Но если они не промахнутся, то кто-нибудь из фашистов тоже не промахнется и воздаст смертью за смерть.

В Северной Италии было много фашистов, как Росси, подвергавшихся ежедневно великим опасностям, как будто страна была наполнена дикими зверь-

ми. И, тем не менее, хотя фашисты знали про окружающую их опасность, они продолжали свою работу.

Я могу назвать десятки примеров отменной храбрости и самоотвержения со стороны молодежи. Вот один или два случая, отмеченных в «Книге Мертвых», представляющей собой летопись героизма фашистов. Девятнадцатилетний фашист, Джиованни Берта, родом из Флоренции, пытался остановить агитаторов коммунистов, которые бросили его за это в Арно. Юноша успел ухватиться за перила моста, но коммунисты стали бить его по рукам. Джованни Берта должен был разжать руки. Падая в воду, он успел крикнуть: «Да живет Италия»!..

Франко Гоци, тоже юноша, участвовал в уличном бою в Ферраре. Хотя коммунисты стреляли из окон, Гоци не захотел прятаться. Он продолжал отстреливаться из револьвера, покуда получил смертельную рану. Франко Гоци упал и умер со словами: «Да здравствует фашизм...»

Амос Марамотти, убитый во время штурма фашистами коммунистической палаты труда в Турине, имел при себе письмо к матери, в котором значилось: «Я иду на дело; быть может, на смерть, но это не важно. Да здравствует Италия! Да здравствует фашизм!..»

Иногда коммунисты ловили фашистов и подвергали их пытке. В Сарацане группа фашистов, демонстрировавшая против большевиков, была встречена выстрелами карабинеров. Фашисты удалились, не желая сражаться с коронными войсками.

Фашисты тогда попали под перекрестный огонь карабинеров и коммунистов. Четыре фашиста было убито. Остальные скрылись. Из этих бежавших семнадцать были убиты коммунистами. Некоторых сожгли живыми. Двое были изрублены в куски. Одного ослепили каленным железом.

Эти ужасы вызвали глубокое негодование во всем округе Саранца.

Когда фашисты настолько окрепли, что могли предпринять карательные экспедиции в «красные города», они, в буквальном смысле, схватили большевиков за горло. В этих центрах коммунизма преследовались все «буржуи», т.е. все прилично одетые.

Красный кондуктор не желал останавливать трамвай, где полагалась остановка, если там дожидались «буржуи» в крахмальных воротничках.

Фашисты приняли такую меру. Они ставили одного из своих позади кондуктора. Фашист этот был не в мундире, а в обыкновенном платье. И если кондуктор не желал задержать вагона там, где полагалась остановка, то получал жестокий удар в голову. Если кондуктор приходил в ярость — ему грозили револьверами.

Таким путем фашисты добились того, что женщинам и мужчинам из буржуазии больше не приходилось ходить пешком, п.ч. кондуктор не пускал их в вагон. Большее количество пассажиров увеличило, конечно, прибыль трамвая.

Отряды фашистов срывали политические стачки. Почту и пассажиров тогда везли в грузовиках и в автомобилях, стоимость содержания которых покрывалась путем подписки. Устраивая политические стачки, коммунисты, конечно, рассчитывали на то, что им удастся парализовать доставку продуктов и всю общественную жизнь. Фашисты посылали свои грузовики в деревни, где собирали яйца, живность, хлеб и овощи. Вместе с продуктами забирали и их владельцев, т.е. угрюмых, очень неохотно повиновавшихся крестьян. Фашисты доставляли крестьян на рынок города, где была стачка. Здесь они обязаны были продавать свои продукты по справедливой цене.

Эта борьба со стачками пошла очень успешно с начала 1921 года, когда фашизм стал военной организацией; но даже и раньше небольшие города, которые иначе погибли бы, задушенные большевистской стачкой, были спасены чернорубашечниками.

Таким образом, население всегда имело перед собою наглядный урок: оно видело два рода свободы: один — представлял собой тяжелые цепи, хотя и украшенные пышными цветами, наложенные большевиками. Другая свобода требовала от рабочих, чтобы они предоставляли остальному обществу те же права, которых желали для себя.

ГЛАВА VI.

Касторовое масло для большевиков.

В войне против большевиков крестоносцы в черных рубахах употребляли всякого рода оружие. Одним из наиболее действительных средств явилось касторовое масло.

Один молодой вождь об'яснил мне, что то было не столько оружие, сколько лекарство. Фашисты часто видели проявления нелойяльности по отношению к государству, которые должны были быть наказаны, хотя не особенно сурово. И вот Италио Бальбо, имеющий вид поэта, но на самом деле — один из ветеранов фашистов, не смотря на свои двадцать семь лет, придумал простое средство для очищения общества от большевиков.

Ему пришлось разбирать дело о пожилом, почти шестидесятилетнем человеке, обвиняемом в пропаганде против государства. Обвиняемый был слишком стар, чтобы его можно было бить. И Бальбо заставил его выпить в два приема пол-литра (пинту) касторового масла. Старику зажали нос, так что ему оставалось или проглотить два стакана касторового масла, или задохнуться. Затем пропагандиста держали, покуда средство не подействовало. Затем его отправили домой, к семье.

Впоследствии касторовое масло превратилось в патентованное лекарство против «красного безумия». Этим лекарством поили большевиков всякого рода: буянов, навербованных из преступного класса, школьных учителей и утонченных эстетов, мечтавших разрушить общество до основания.

Результаты всегда получались блестящие. Мне говорили, что никогда еще не было случая, чтобы пациенту надобно было бы дать вторую дозу. Когда пациент, после дозирования, удалялся домой, бледный и с блуждающим взглядом, он становился в глазах всех не мучеником, а посмешищем. Фашисты, встречая его потом, иронически справлялись о его здоровье. Даже коммунисты, вместо того, чтобы сочувствовать товарищу, подтрунивали над ним.

Таким образом, смешное стало сильным оружием

в руках крестоносцев в черных рубахах. Психологи, стоявшие во главе движения верно учли настроение своих противников. Там, где другие, менее проницательные вожди, прибегли бы только к грубой силе, фашисты делали различие в наложении наказания.

Касторовое масло приобрело такую славу, что теперь оно является могучим средством для подавления беспорядков всякого рода. В Адрии, в Венецианской области, местные фашисты издали декрет против пьянства, грозя бражникам универсальным лекарством. Касторовое масло подносится не только пьяницам, но также и кабатчикам, продавшим вино нетрезвым или же детям, моложе 14 лет. В каждом кафе на видном месте должна храниться бутылка с касторовым маслом, как напоминание бражникам.

Недавно только фашисты разослали предостережения газетным продавцам, не желавши мдержать у себя некоторые периодические издания. Зловеще-вежливым тоном, которым славятся чернорубашечники, фашисты напомнили газетным продавцам про существование некоторых лекарств, хорошо очищающих ленивые мозги тяжкодумов. Машины, работающие плохо, нуждаются в смазях. И фашисты выразили готовность явиться такими смазчиками ленивых умов.

При определении наказаний фашистами мы всюду встречаемся с этим холодным, сардоническим юмором, который действует сильнее, чем грозное перечисление наказаний. Даже наиболее страшные репрессии были обещаны почти в игривом тоне. Коммунист при встрече с тремя четырьмя улыбающимися молодыми людьми, неожиданно холодеет и слабеет. Неминуемое наказание возвещается необыкновенно ласково, медоточиво. Есть нечто средневековое в том, как холодные, суровые вожди новой Италии облекают свои самые мрачные намерения в вежливую, почти ласковую форму.

Этим ласковым тоном, прикрывающим стальную готовность на все, фашисты, когда они стали силой, убеждали мэров-коммунистов выйти в отставку. Типичным примером является мэр маленького города

Фано, в двенадцати милях от Болоньи. Он отправился в Болонью на отдых. Когда мэр сидел в кафэ, вошли молодые фашисты и вежливо поздоровались.

— Вы мэр-социалист из ...?— Фашисты назвали городок, не Фано.

— Нет, — ответил он. — Я социалист, мэр из Фано.

— О, это безразлично, — ласково ответил вождь фашистов. Будьте столь добры, пожалуйте за нами на улицу.

Мэр решительно отказался, но тут подошел владелец кафэ.

— Лучше уйдите, — посоветовал он. — Ведь вас все равно побьют. Для вас, в конце концов, безразлично, где это произойдет. Между тем, если вас будут бить в моем кафэ, разгромят здесь все. Так что, пожалуйста, пойдите на улицу. Мэр, как лунатик, вышел на улицу, где его жестоко избили. Он подал в отставку, как только возвратился в Фано.

Другие социалисты-мэры очутились за пределами ратуши, прежде чем уразумели, как это произошло. Одни из них получили от фашистов письма, где говорилось, приблизительно, так: «Конечно, вам лучше, чем кому-либо известно, что вы совершенно не годитесь в мэры, поэтому подавайте в отставку.»

Если мэр не обращал внимания на письмо, он получал через три дня второе увещание.

И если мэр все-таки упрямился, то через неделю, ночью, из другого округа являлся отряд фашистов. Мэр, иногда только в одной сорочке, видел перед собою улыбающихся чернорубашечников с револьверами наготове.

— Мы слышали, вы не желаете выходить в отставку, — начинал вождь.

— Нет, не хочу, — бормотал мэр.

— Уж лучше выходите, — ласково убеждал фашист. Вот и готовое заявление об отставке. Только подпишите.

Мэр подписывал, и отставка посылалась правительству. В должное время являлся королевский комиссар, назначенный правительством, чтобы стоять во главе муниципалитета до новых выборов.

Таким образом, в несколько недель, вышли в отставку 500 мэров-коммунистов, избранных путем давления на избирателей.

Чувство смешного было преобладающим фактором в репрессиях фашистов. Злосчастный секретарь коммунистического депутата невольно для себя ввел новую футуристскую моду. Ему выбрили голову наголо и нарисовали на черепе национальный итальянский флаг. Таким образом, с двумя улыбающимися фашистами по бокам, его провели по улицам Рима. Впереди шел третий фашист, носивший знамя с надписью: «Единственное мое удовольствие — это по каждому поводу кричать: «Да здравствует Италия».

Эта форма публичного наказания была несколько изменена в применении к другому коммунисту. Ему тоже нарисовали на черепе трехцветный итальянский флаг, но на знамени, которое носили впереди, значилось:

— «С каждым днем и с каждым часом я становлюсь все большим патриотом!»

Побои или сечение вызвали бы сочувствие к жертвам, тогда как фашисты делали их об'ектом насмешки.

Бывали, конечно, репрессии более суровые. Тех коммунистов, которые убили фашистов — убивали.

Отлично организованная тайная информация доставляла фашистам сведения о виновности разных коммунистических обществ. В каждом округе имелся тщательно составленный черный список, в котором отмечены были все преступники и их деяния. В этой книге живота отмечены были все засады, устроенные большевиками, все нападения их из-за угла на отдельные взводы (manipoli) и все убийства.

Репрессии бывали двоякого рода: против антипатриотических организаций и против индивидуумов. Первые — состояли, главным образом, в том, что помещения коммунистических клубов истреблялись. Более тяжкие преступления против фашистов карались сожжением домов, в которых жили вожди коммунистов. В совершенно исключительных случаях специально мобилизованный отряд фашистов нападал ночью на большевистский центр, и с порази-

тельной точностью, с изумительной быстротой, громил 20, 30, а раз даже сорок квартир коммунистов.

Такая мера никогда не принималась с легким сердцем. Прежде чем пустить этот суровый вид репрессии в ход, преступление большевиков тщательно изучалось.

Фашисты не всегда сами расправлялись с виновниками. Очень часто коммуниста, совершившого преступление, судили открыто. Чернорубашечники арестовывали виновного и держали его где-нибудь в потаенном месте. Между тем назначался массовый митинг. В назначенный день зал или площадь бывали переполнены. После речи председателя, приводили на платформу обвиняемого и излагали его преступления. Затем обвиняемого передавали карабинерам, отводившим его в тюрьму.

Если проступок, совершенный коммунистом, не значился в уложении о наказаниях, фашисты сами быстро чинили расправу. Они, например, избивали коммунистов или давали им касторовое масло за такие действия, как оскорбление короля, оплевывание воинов, пение интернационала или глумление над патриотизмом. Провинившиеся коммунисты нигде не могли считать себя в безопасности. Даже в центрах большевизма фашисты ночью увозили виновных для наказания.

Коммунисты называли фашистов нарушителями закона и, по странной логике, требовали у полиции защиты, обличая эту же полицию.

В сельских округах набег фашистов был всегда возможен. И хотя в набеге участвовало иногда не больше пяти человек, он производил такое же потрясающее впечатление, как налет неприятельских аэропланов на Лондон во время войны.

ГЛАВА VII.

Фашистская армия и ея секретный наказ.

Фашисты стали централизованной военной организацией с января 1921 года. Вожди поняли к тому времени, что они должны для успешной борьбы с коммунизмом располагать значительными силами.

Тогда в Онельи произошло совещание, на котором генерал Гандольфо, командовавший во время войны войсками, стоящими рядом с британскими, затем маркиз Перрони из Флоренции и Итало Бальбо разработали и усовершенствовали проэкт, составленный Муссолини на основании состава армии в древнем Риме. К тому времени было около 100.000 фашистов. Все они находились в Северной Италии, главным образом, в провинции Эмилия, Романья, Милане, Тоскании и Умбрии. Когда фашизм народился в марте 1919 года, всех фашистов было 1000 человек, большей частью, расположенных в Милане. В течение годичного господства коммунистов, численность фашистов увеличилась в сто раз.

Муссолини и его «кабинет» друзей располагали, таким образом, боевой силой, отдельные составные части которой были уже испытаны в огне. Вожди знали, чего хотят. Они поняли, что рано или поздно им придется пойти на Рим.

Военная организация фашистов представляла собой чудо совершенства. Я видел секретные, никогда еще неопубликованные приказы, определяющие до мельчайших подробностей долг и обязанности чернорубашечной армии.

Италия была разделена на двенадцать поясов или зон. Верховное командование вверено было главному штабу, состоявшему из трех вождей и военного секретаря.

Боевая армия, или «Принчипи» и резервная армия, или «Триарии», известные также под названием войск второй линии, были организованы по типу древне-римских легионов.

Основной единицей, или начальным элементом фашистской милиции являлась «скадра», состоявшая из 15-20 человек. Начальником такого взвода являлся «капо скадра».

Три «скадры» составляли «манйполо», под начальством «декуриона».

Три «манипулы» составляли «центурию», во главе которой стоял «центурион».

Три «центурии» составляли «когорту», начальник которой назывался «сениоре».

Три или шесть «когорт» составляли «легион» под начальством консула.

Три или шесть «легионов» составляли «группу», во главе которой стоял командир группы.

Все «легионы» одной зоны находятся под начальством инспектора зоны.

Двенадцать «зон» составляют всю милицию.

В секретных военных инструкциях говорится также о когортах циклистов. Максимум циклистов в каждой когорте 200. При каждом легионе не может быть больше одной такой когорты. Мотоциклисты сгруппированы в «маниполи».

Инспекторы зон назначаются генеральным штабом, равно как и консулы, но последние должны быть представлены инспектором зон, после совещания со штабом зоны. Командиры когорт избираются инспекторами зон. Консулы имеют право назначать начальников центурий и декурий.

Обязанности различных командиров определены очень точно. Консул ответствен за д у х легиона. Обязанность консула крайне серьезна, так как сплоченность фашистской милиции зависит всецело от стойкости легиона. Консул должен близко знать всех подчиненных ему начальников когорт и центурий. Начальники когорт, в свою очередь, обязаны в совершенстве знать разные группы, из которых составлено их войско.

Начальники центурий и маниполи, согласно секретному наказу, «должны ежедневно видеть своих людей, обязаны их знать в совершенстве, развивать их хорошие качества, останавливать все проявления несправедливости и одушевлять подчиненных верой. Начальники ответственны за дисциплину, за беспрекословное исполнение приказов и за поведение людей в общественных местах.»

Ответственность командиров «скадр» еще более серьезна.

«Они должны быть друзьями своих «скадристов», которые подчиняются командиру, как старшему брату. Капитан «скадры» должен импонировать подчиненным своими нравственными качествами. Он обязан, в случае надобности, в любой момент вызвать не

меньше двух третей своего отряда. Капитан следит за порядочным поведением своих солдат даже в частной жизни».

В наказе настойчиво, многократно подчеркивается значение мелких единиц армии. Дело надо поставить так, чтобы «скадру» можно было мобилизовать в любой момент. Собирает милицию особый мобилизационный офицер, который ответственен за сигналы, возвещающие сбор. Этим сигналом никогда не должен быть выстрел.

Каждая «скадра» и каждая «манипола» имеют свою постоянную базу.

Генеральный штаб должен быть всегда осведомлен о силах, находящихся в распоряжении подчиненных командиров. Капитаны «скадр» ежедневно посылают рапорт милиционерам, пригодный для активной службы. Инспектор заочно группирует эти рапорты и, на основании их, ежемесячно составляет доклад для генерального штаба.

Наказ подчеркивает значение быстрого передвижения. Фашисты могут пользоваться для этого железными дорогами, трамваями, автомобилями, вельсипедами, но без разрешения политического начальника округа средства передвижения не должны быть реквизированы. В случае крайней необходимости, разрешение на реквизицию может дать также начальник легиона.

Фашисты салютуют, как древние римляне: вытягивают вверх правую руку и глядят в сторону того, кому салютуют. Коллективное салютование производится таким же образом. В зависимости от того, с какой стороны находится командир, салютующие коллективно протягивают вверх правую или левую руку. Салютование голосом делается только по отношению к Муссолини, трех главных военных начальников и генерального секретаря фашистов. Когда фашисты дефилируют перед этими лицами, то машут также флагами.

Отдельные фашисты не обязаны обмениваться салютами, говорит военная памятка, но лучше делать это, чтобы выразить товарищеские чувства. Что же

касается подчиненных, то они обязаны всегда салютовать своим начальникам.

Другие наказы, выработанные для фашистов и имеющие целью поддержать дисциплину, проникнуты духом высокого патриотизма. В наказе выясняется слава самопожертвования и указывается, что долг перед родиной должен стоять выше всего.

«Фашистская партия всегда представляет собою милицию — читаем мы. — Милиция эта служит Богу и нашему итальянскому отечеству. Каждый солдат должен служить Италии всей душой, проникнутой глубоким мистицизмом. Солдата при этом должна поддерживать непоколебимая вера. Воля его должна быть сильна. Солдат презирает оппортюнизм и осторожность в такой же степени, как и трусость. Он верит, что призван спасти мать-Италию и дать ей новую силу.

«Солдат-фашист соображается только с сознанием долга. У него нет других прав, кроме права выполнить долг. В этом высшая радость фашиста.

«У него свой собственный кодекс нравственности. Обычный кодекс нравственности, имеющий так много граней и так много петель, ему не годится. Чувство чести фашист ставит так же безконечно высоко, как средневековый рыцарь. Честь это идеал, к которому надо постоянно стремиться. Он находится вне писанных законов.

«Абсолютная честность является основным законом нашей дисциплины.

«В рядах фашистской милиции нет места для бесчестных, для недостойных и для изменников.

«Черную рубашку надо носить с гордостью и любовью. Во время всех манифестаций фашисты должны производить впечатление главнаго оплота нации и наиболее бескорыстной силы в Италии. Так оно и есть в действительности, ибо фашисты ничего не просят для себя и ежедневно готовы умереть за родину.

«Вожди, как военные, так и политические, несут на себе величайшую ответственность. Желающий создать новый порядок, который будет порядком обновленной Италии, должен иметь спокойствие духа феодального вождя, волю властелина и сердце столь же широкое, как сама Италия.

Он должен уметь жертвовать собою еще раньше, чем научится владеть оружием и управлять своими страстями.

«Вожди должны учить примером. Они не только имеют право, но обязаны пускать в ход насилье против своих подчиненных, если это необходимо; но вожди никогда не сумеют выполнить возложенные на них обязанности, если не сумеют внушить любовь. Ибо только она порождает саомопожертвование».

Волонтерам должно быть не меньше 17 лет, но существуют учебные баталионы, состоящие из юношей 15-17 лет, проходящие род искуса, прежде чем их принимают в фашисты.

Фашист по своему желанию не может выбрать службы «на фронте» или в «тылу», т.е. в «триарии». Милиционер всецело, безоглядно отдает себя в распоряжение начальства. Оно само уже решает стать, ли волонтеру чернорубашечником, которого в любой момент вызовут на опасную и трудную работу или резервистом, которого вызовут лишь в крайнем случае. Таким образом, в рядах фашистов нет места для отлынивающих, желающих только носить черную рубашку, не подвергая себя опасности.

Никого больше уже не принимают в фашисты. Муссолини и кружок его убеждены, что нынешняя сила вполне достаточна. Мало того: предстоит еще процесс «выпалывания милиционеров». Фашисты не нуждаются в таких помощниках, которые стоят в стороне от движения и присоединяются к нему лишь, когда оно имеет успех. Сотни оппортюнистов были социалистами, когда им казалось, что коммунизм побеждает. Они метнулись потом к знаменам фашистов, когда социализм был разгромлен.

ГЛАВА VIII.

Как фашисты очистили «красные» города.

Коммунисты серьезно почувствовали силу фашистов, когда военная машина, созданная по инициативе Муссолини, пущена была в ход.

Красные совершили ошибку, пытаясь сопротивляться машине. Когда в октябре 1921 года фашисты на празднествах Данте устроили в Равенне первую манифестацию, коммунисты напали на них.

Из Феррары и Болоньи вышли 9 октября десять когорт и через три дня двумя легионами прибыли в Равенну. Некоторые из когорт сделали больше 100 миль в удушливую жару.

Правительство, обезпокоенное появлением независимого войска, послало в Равенну два полка с пушками, чтобы перехватить фашистов. Милиционеры вступили в город, несмотря на наведенные на них полевые орудия. Коммунисты стали стрелять из-за угла в фашистов и убили несколько чернорубашечников. В ту жу ночь фашисты разгромили несколько коммунистических клубов и сожгли на улице портреты Ленина.

С того дня события стали развиваться с все нарастающей быстротой. Ход событий, фактически, изменился уже не в пользу коммунистов, но влияние их в некоторых местах было еще безконечно велико. Фашисты напрягли все силы, чтобы уничтожить монополию красных, убить политические стачки и прекратить нападения на крестьян, измученных игом большевиков и желавших мира.

Полтора года, прошедшие от преобразования фашизма в военную силу до последней большой схватки с большевиками, т.е. до срыва общей стачки в Августе 1922 года, — преисполнены драматических событий. Основным фактом, однако, является неуклонное нарастание силы фашистов. Они взяли четыре города, которые являлись нервными центрами большевизма. Взятие каждого из этих городов представляло собой заметный шаг к победе. Если вы попросите фашиста перечислить последние вехи на пути в Рим, он назовет Феррару, Болонью, Равенну и Геную. Анкона и Парма взяты были впоследствии.

Феррара занята была в мае 1922 г. И это представляло собой прямой вызов правительству.

Как в провинции Равенна, так и в Ферраре, социалистические кооперативы были очень сильны. Когда же началась реакция против их терроризма, кооперативы захотели всецело подчинить себе рабочих. Для этого кооперативы решили заставить правительство отменить ассигновки на местные работы, чтобы создать таким образом безработицу в самых широких размерах.

Тогда фашисты решили, как об'яснил мне один из вождей, что наступил момент защитить рабочих.

Фашисты явились в Феррару с такою стремительностью, что захватили всех врасплох. Фашисты прибыли со всех сторон, ночью, небольшими группами, в автомобилях, на барках по реке, на велисопедах и пешком. Они заняли старый замок и расставили на улицах посты. Когда Феррара проснулась, она узнала, что 5000 чернорубашечников держат правительство за горло и что 58.000 мобилизованных рабочих поддерживают фашистов.

Итало Бальбо, взявший город, пожелал видеть префекта. Префект отказался принять вождя. Тогда Бальбо, во главе пятидесяти фашистов, отправился в префектуру. Своих солдат Бальбо оставил в корридоре и отдал им приказ: открыть пальбу, если он не возвратится через десять минут. Затем Бальбо вошел в кабинет префекта.

— Я хозяин города, и сейчас же докажу вам это, — начал Бальбо. — Сегодня, после полудня, город останется без воды, без газа и без электричества. Вы сейчас же протелеграфируете правительству, чтобы оно отменило свое решение и приступило бы к общественным работам.

Предсказания Бальбо оправдались буквально. В тот же день, действительно, Феррара очутилась без воды, без газа и без электричества. Предварительно были сделаны запасы для фашистов, так что каждый из них имел по литру в день. Префект послал настоятельную телеграмму в Рим, и почти немедленно при-

был ответ, что общественные работы в округе снова начнутся.

Чернорубашечники провели три дня и три ночи на улицах Феррары, а затем спокойно возвратились по домам.

Таков был первый верстовой столб на пути к победе. Рабочие поняли, что когда требования трудящихся масс справедливы, фашисты готовы поддержать их. И тогда все рабочие Феррары присоединились к фашистскому движению.

Затем пришел черед Болоньи.

Так как все рабочие в Ферраре стали фашистами, то общественные работы уже не могли дать занятия всем желающим. В Болоньи, являвшейся центром коммунизма, было еще много свободных мест для желающих работать, так как большевики любят праздность. И вот фашисты решили перевести всех безработных из Феррары в Болонью, чтобы дать им там занятие.

Префект Болоньи Мори издал декрет, воспрещавший ввоз рабочих из других провинций.

— Вы не хотите, — ответили фашисты. — Отлично. Мы сами привезем рабочих и поставим их на работу. Пятьдесят тысяч фашистов заняли Болонью. Они поддержали ту же строгую дисциплину и такой же порядок, как в Ферраре. Префект, посланный в Болонью после безпорядков, во время которых был убит отставной солдат Джордано, издал приказ, запрещавший ношение оружия и движение грузовиков по улицам.

Приказ не имел никаких последствий. Фашисты раз'езжали в грузовиках по всем улицам и всецело овладели городом. Бастовавших коммунистов-служащих они заменили фашистами. В то же время завладевшие городом об'явили что, если бастующие не возвратятся на службу к определенному сроку, то будут изгнаны навсегда из Болоньи. Если же они осмелятся возвратиться после изгнания, то будут убиты. Многие стачечники-коммунисты были найдены на квартирах. Их доставили под стражей и заставили работать.

В Болонье находился, таким образом, сильный фашистский элемент, но округ, в значительной степени, оставался еще красным. В Болоньи, несмотря на строгую форму усиленной охраны, установленную там, жизнь текла мирно и спокойно. Гарнизон состоял из отрядов фашистов, менявшихся время от времени.

Болонья явилась вторым шагом по пути освобождения Италии от коммунистов. Фашисты доказали, что могут установить нормальную жизнь в городе даже в том случае, когда коммунисты объявили общую стачку. И в первый раз тогда правительство признало фашистскую организацию.

Между тем, председатель Палаты Депутатов в Риме предложил свое посредничество для заключения мира между фашистами и коммунистами. Действительно, удалось заключить договор, в котором фашисты и коммунисты обещались не нападать друг на друга. Договор этот нарушили красные, и фашисты были избиты во многих местах и, в особенности, в Равенне, где один чернорубашечник скончался от полученных побоев. Тогда фашисты заняли Равенну.

Семитысячный отряд чернорубашечников вступил в город, чтобы отплатить за избиения. Общественная служба не была нарушена. У фашистов имелся точно составленный черный список, по которому они разрушили сорок домов, занятых выдающимися коммунистами. Город был занят в течение трех дней. Через три недели фашисты мобилизовали 20000 человек в Сарзане и двинулись на Геную. Доковые рабочие здесь находились в руках коммунистов. Никто, не внесенный в списки коммунистов, не мог найти работу. Цены в Генуе были выше, чем где бы то ни было в Италии.

Фашисты заняли все муниципальные учреждения и нанесли удары монополии, которую имели коммунисты в Генуе. Чернорубашечники основали первый фашистский трэд-юнион. То был новый шаг к победе.

И это повело к последнему великому столкновению. Коммунисты решили разгромить силы фашистов. Большевистские депутаты протестовали в Парламенте по поводу того, что фашисты не пускают их в округа, где этих представителей избрали. То была чистая правда. Коммунист Бомбачи, представлявший Болонью, имел неосторожность ослушаться прика-

за и приехать в город. Фашисты нашли его в кафэ, где депутат обедал. Чтобы спастись, Бомбачи переоделся поваром и работал в кухне за штабелем дров, как за ширмой. Затем он бежал из Болоньи, переодевшись городовым. — Сокрушите фашистов, — требовал коммунист в Парламенте.

Правительство дало уклончивый ответ.

Тогда социалисты тайно подготовили всеобщую стачку во всем королевстве, которая должна была явиться мерилом их силы. Коммунисты были уверены, что сумеют доказать Италии, что сила на их стороне. Стачка назначена была на полночь 31 июля. Все рабочие и все служащие должны были бросить работу, чтобы оставить население без освещения, без топлива, без воды, без поездов, трамваев и пароходов, без пищи и без торговли. Полный паралич Италии.

Тогда испуганная нация, под угрозой смерти, сдастся на капитуляцию. Так рассчитывали коммунисты. Когда Муссолини услыхал про угрозы большевиков, он воскликнул: «Как раз, что нам необходимо! Пусть коммунисты устраивают общую забастовку! Мы им нанесем смертельный удар. Мы готовы».

И таким то образом, в то время, как правительство дрожало от страха, а вожди коммунистов устраивали заговор, рыцари Черной рубашки спокойно готовились к последнему бою.

Освобождение, наконец, было в виду.

ГЛАВА IX.

Разгром всеобщей стачки коммунистов.

Когда коммунисты об'явили, что в полночь 31 июля начнется великая стачка с целью раздавить окончательно фашистов, Муссолини заявил правительству, что дает ему сорок восемь часов на прекращение забастовки. Если правительство не положит конец стачке, то это сделают фашисты, — сказал Муссолини своим последователям после взятия Генуи.

Депутаты-коммунисты выпустили к своим избирателям приглашения принять участие в общей стачке, но сами приняли меры к собственной безопасности. Никто из них не дерзнул поехать в свой избирательный округ, чтобы там принять участие в борьбе. Некоторые из них до такой степени дрожали за личную безопасность, что и ели и спали в Парламенте, за черту которого не показывались, покуда не прошел кризис.

Наступило первое августа. Вся Италия замерла. С точки зрения коммунистов стачка имела успех, так как, повидимому, никто из рабочих не явился на службу. Но эта стачка в одном отношении отличалась от всех предшествовавших забастовок.

Раньше население страшилось продолжать свои занятия, имея, с одной стороны, на страже красную гвардию, а с другой — вредный нейтралитет правительства. На этот раз буржуазия, осыпаемая таким презрением, нашла поддержку и поощрение в лице боевых фашистов.

В течение первых 48 часов, предоставленных правительству для проявления его авторитета, фашисты только стремились парализовать стачечное движение.

В некоторых красных центрах, подобно Анконе, фашисты были безсильны, так как весь город находился во власти коммунистов. В других местах, на севере, несмотря на присутствие коммунистов, «скадры» и «маниполи» фашистов, вооруженные револьверами и палками, налитыми свинцом, охраняли порядок на улицах.

Впервые лавочники не спустили сторы, а продолжали торговать, так как знали, что отряды фашистов где-нибудь по близости и не допустят, чтобы стачечники разбили стекла.

Фашисты наладили сообщение при помощи грузовиков, за которые было уплачено из специального фонда, собранного путем подписки. Таким образом фашисты доставляли провизию и топливо голодным городам.

Фашисты принудительно заставили красных трамвайных и железнодорожных кондукторов стать на работу. Городские электрические генераторы также приведены были в действие. Налажена была также телеграфная и телефонная служба. Сказать точнее, не было ни одной важной отрасли общественной службы, ко-

торую не наладили бы фашисты, оберегая ее от паралича.

Уличные бои происходили между тем безпрерывно. Коммунисты сформировали нечто в роде *антифашизма* и назвали свою армию «Красными Ардити». Но уже в самом начале стачки последователи Муссолини произвели огромное моральное впечатление на население, и это влияние продолжало наростать в городе и в окружающих деревнях.

Взятие приступом Анконы, осуществленное 32 фашистами, без сомнения, является одним из наиболее замечательных эпизодов стачки. По отчаянной храбрости, по решительности и по полному презрению к значительно более сильному противнику, дело, выполненное маленьким отрядом, вряд ли было превзойдено. Падение Анконы, в действительности, означало конец воинственному коммунизму.

Из тюрьмы, после пятимесячного заключения, был освобожден землемер Чезаре Росси, о котором я упомянул уже. Он был отправлен в тюрьму по обвинению в выступлениях против коммунистов под Анконой. Росси возвратился на свою родину Фано, в двенадцати милях от Анконы, —всего лишь за несколько дней до начала общей стачки.

Первого августа он стоял перед своим домом, когда прошло в направлении к Анконе несколько фашистов. Росси тотчас же присоединился к группе. Затем встретились еще фашисты, так что всех стало 32. Во главе их был Росси.

Красные безусловно владели Анконой. Они похвалялись, что имеют там десять тысяч «Ардити-коммунистов», готовых отбить какую угодно фашистскую аттаку. Все лавки в Анконе были заперты. Нельзя было достать ни пищи, ни лекарств. В руках красной гвардии находились электричество, вода, газ и трамвай. В городе установилось царство террора.

Когда маленький отряд Росси прибыл на центральную железнодорожную станцию, он нашел на площади перед ней 200 красногвардейцев. Фашисты, вооруженные только револьверами, открыли огонь и очистили площадь.

Затем они медленно стали подвигаться к центру

города, тесня коммунистов. Отряд по дороге разгромил несколько коммунистических клубов, из окон которых стреляли в фашистов. В клубах фашисты нашли запас ручных бомб, которые привесили к поясу и затем продолжали подвигаться вперед.

Анкона построена на холмах. Главная улица лежит в долине, а выше, на холмах, находятся предместья. Фашисты увидали себя в пустынной аллее, противоположный конец которой был загражден баррикадой. Из окон домов раздавались выстрелы. Там всюду засели меткие стрелки. Росси разделил своих солдат на шесть «волн» с промежутком в 150 футов между каждой. Затем фашисты пошли на штурм баррикад, пользуясь усиленно ручными гранатами. То было опасное предприятие. До сих пор Росси не постигает, каким образом он и его товарищи вышли живыми. В любой момент их могли отрезать и истребить совершенно.

Видимая безнадежность положения могла бы поколебать самые твердые сердца. Молчание нарушалось только треском револьверных выстрелов, глухим гулом от взрыва бомб и звоном разбиваемых стекол. Росси казалось, что он слышит слабые одобрительные возгласы из осаждаемых домов, в которых были женщины и дети, дожидавшиеся исхода боя.

Мало по малу красные отступили в предместья. Вдруг из окон одного домика, где жила вдова с двумя дочерьми (два сына этой вдовы были убиты на войне), показался итальянский флаг. Он развился и достиг до мостовой. Росси говорит, что неожиданность этого поощрения глубоко тронула его.

Тридцать два удальца взяли Анкону и удержали ее. В течение трех дней они не знали ни минуты отдыха, покуда не подоспела подмога. Росси вывесил об'явления, что воспрещается кому бы то ни было показываться на улицах. Фашисты захватили грузовики, раз'езжали группами по два-три человека по улицам и стреляли в каждого, если только он не носил черную рубашку.

На третий день прибыли из Болоньи и Перуджи колонны в десять тысяч фашистов. Прибыл также знаменитый отряд смельчаков — «La Disperatissima»,

т.е. «Отчаяннейшие». Прибыл из Перуджи и мрачный отряд «Сатаны», девиз которых в вольном переводе означает: «Чорт побери». Раненые «сатанисты» имели этот девиз даже на своих бандажах.

Фашисты в течение месяца управляли Анконой. Они следили за скотобойнями и за доставкой мяса на рынок; они собирали яйца и молоко, которые ежедневно распределялись по госпиталям. Фашисты обшарили соседние фермы в поисках живности и овощей, которые продавались по справедливой цене. Они же управляли электрической станцией, портом и трамваями, покуда не возвратились стачечники, признавшие свое поражение.

Фашисты организовали карательные экспедиции, каждая из четырех-пяти человек. Раз'езжая в грузовиках, эти отряды разыскивали выдающихся коммунистов. После неудачной стачки, большевики бежали в горы, где жгли и грабили фермы. Поджигателей и грабителей ловили и отдавали властям для суда.

О характере Чезаре Росси можно судить по следующему рассказу о несостоявшейся дуэли. В первый день занятия Анконы Росси отправился в казармы полка берсальери и об'яснил полковнику, что фашисты вооружены только револьверами. Тогда фашистам временно дали карабины.

Другой офицер донес на полковника военному министру. За это Росси публично дал доносчику пощечину. Оскорбленный вызвал обидчика на дуэль. Росси согласился немедленно и выставил свои условия, которые он имел право выбрать, как вызванный на дуэль. Поединок должен состояться на револьверах в закрытом помещении, на расстоянии 50 футов. Стрельба продолжается, покуда один не будет убит. Дуэль не состоялась.

В то время, как Анкона находилась еще в руках только 32 удальцов, — истекли 48 часов, которые Муссолини дал правительству, чтобы оно проявило свою деятельность. Общая стачка еще продолжалась. Правительство не приняло никаких решительных мер. Тогда фашисты, оставив свою прежнюю тактику, состоявшую только в том, чтобы помогать населению, решили разгромить стачку.

Коммунисты забили тревогу во все колокола, призывая весь мир в свидетели, что их преследуют беззаконными реакционными способами. Фашисты, не обращая внимания на вопли, продолжали свою суровую работу. Они убивали, взрывали бомбами и били, если видели, что большевики хотят удержать свою власть над населением актами насилия. Постепенно стачка таяла, и население стало стремительно присоединяться к Муссолини.

Итало Бальбо, являющийся вождем боевых фашистов, отправился с отрядом чернорубашечников в Парму. Не смотря на свои 27 лет, он, после Муссолини, стал теперь самым влиятельным человеком в Италии. Впервые церковь и крестоносцы в черных рубахах встретились официально. Епископа, происходящаго из старого рода, давшаго много воинов, приветствовал почетный караул, украшенный знаками отличий, полученных в последнюю войну.

Инциденты подобного рода ускорили конец общей стачки. Она быстро завяла и умерла в неизвестности. На ея могильной плите можно написать одно слово: «Анкона».

Крайне жаль, что нет полного отчета об этих исторических событиях. У фашистов не было времени, чтобы составлять записи. Трудно представить что нибудь более трогательное, чем те сцены, которые можно было наблюдать в красных городах, после того, как они были очищены чернорубашечниками. Все крестоносцы были выстроены под знаменами на площади. Командир делал перекличку по списку. Когда он называл кого-нибудь, павшого в бою, все чернорубашечники отвечали «здесь». И когда перекличка кончалась, помощник командира салютовал и произносил громко: «Все на лицо»!.

Для фашистов убитые еще живут, являя собой пример патриотизма, который освободил Италию от неволи.

ГЛАВА X.

Падение трусливого правительства.

Несколько важных событий, происшедших после того, как рухнула общая стачка, ускорили coup d'état, сделавшее Муссолини первым министром и диктатором Италии.

То, что случилось в Трентино в сентябре 1922 г., ясно показывает, что в Италии было тогда два правительства: одно — призрачное правительство Факты в Риме, как говорили фашисты, — другое сильное и боевое, возглавленное Муссолини.

По мнению фашистов, Трентино не было в достаточной степени италианизировано. В этой провинции, принадлежавшей раньше Австрии, итальянское население составляло меньшинство, но меньшинство сильное. Во всей провинции не было ни одной итальянской школы. В остальных школах не был выставлен бюст короля, как это делается всюду в Италии. Полиция в Трентино вообще состояла из бывших австрийских жандармов.

Фашисты вступили в Трентино, потребовали, чтобы комиссары вышли в отставку, назначили итальянскую полицию и всюду в общественных зданиях выставили национальные эмблемы. Все это было быстро выполнено.

В то же время энергия фашистов была направлена на подготовление coup d'état, которое отдало им власть. Враги фашистов пытались расколоть движение, требуя от них точного определения программы. В особенности враги требовали, чтобы фашисты высказали свое отношение к королю, так как расчитывали, что тогда чернорубашечники-республиканцы отпадут.

В то время, когда движение только зарождалось, сам Муссолини склонялся скорее к республике. Но потом он отказался от республиканства. В исторической речи, произнесенной в Падуе, Муссолини сплотил разные политические течения, существовавшие среди фашистов принятием «монархических традиций Италии». Король и династия должны быть сохранены. Этим решительным и прямым ответом разом разрушил все хитрости противников.

Подробности последняго похода, имевшаго целью сбросить правительство, были выработаны на заседании вождей, под председательством Муссолини, в Милане, 6 октября 1922 года. Остановились на том, что два наиболее популярных офицера в Италии: генерал Фаре и генерал Чекерини поведут фашистов двумя колоннами в Рим. Генералы должны были носить обычный мундир со всеми орденами, поверх черной рубашки.

Другой военный совет состоялся во Флоренции 15 октября. После него Муссолини об'ехал весь север Италии, развивая всюду такой тезис: «Мы должны иметь власть над государством». Муссолини в этом духе произнес речь в Удине, Кремоне и Милане, и затем отправился в Неаполь, где увлекающиеся южане стремительно присоединились к нему.

Конгресс фашистов, состоявшийся в Неаполе 24 октября 1922 г. фактически представлял собою ультиматум Риму. То была также изумительная демонстрация лойяльности. Около 40 тысяч фашистов и пятидесяти тысяч организованных рабочих прошли по городу, встречаемые всюду восторженными криками и апплодисментами полумиллионного населения.

На следующий день в Отель Везувиус в Неаполе состоялось совещание между Муссолини и главными его вождями. Решено было начать переговоры с правительством и потребовать от него, чтобы оно в сорок восемь часов сдало власть. Если же правительство откажется, легионы «Принчипи» должны итти на столицу и взять ее. Муссолини требовал предоставления фашистам шести мест в министерстве и, кроме того, контроля над воздушным флотом. Любопытно отметить, что в числе требуемых портфелей не было поста министра внутренних дел.

Само собою разумеется, что фашистский министр внутренних дел очутился бы в крайне затруднительном положении, если бы ему пришлось подавлять выступления фашистов против большевиков.

Муссолини отправился на следующий день в Рим, но правительство не захотело уступить.

Через 24 часа началась общая мобилизация фашистов. Чернорубашечникам, собранным в Неаполе,

приказано было разойтись по домам и дожидаться приказов. План кампании, усовершенствованный верховным советом, т.е. генералом Дебоно, Девекки и Итало Бальбо, заключал также выработанный в мельчайших подробностях маршрут. План этот составлен был так, чтобы мобилизация могла произойти ночью, прежде чем правительство примет какие бы то ни было меры.

Кризис ускорился вследствие ошибки в приказе о мобилизации, посланном в Тоскану. В силу этой ошибки, фашисты собрались не тайно, как в других местах, а открыто.

Мобилизация началась в ночь на 27 октября. Во всех провинциях на севере фашисты безпрепятственно заняли правительственные здания, префектуры, ратуши, почты, телеграфы, телефонные станции, железнодорожные станции и полицейские казармы. На следующее утро фашисты под председательством героя африканской войны с Турцией генерала Фаре двинулись к трем первым концентрационным пунктам. Верховный Совет троих остался в ставке в Перуджии.

Чернорубашечники из Умбрии, Романьи и Тосканы, под председательством лейтенанта Ильори, шесть раз раненного во время войны, сконцентрировались сперва в Фолиньо, представляющей собою важную узловую станцию, а затем направились в Монтеротондо, лежащее в 20 милях на север от Рима.

Фашисты из Абруцци, спустившись со своих гор, собрались под предводительством Боттаса близ Тиволи. Этот город тоже отстоит в 20 милях от Рима, но только лежит на северо-восток от столицы.

Фашисты из Милана, Генуи, Болоньи и других северо-западных городов пошли берегом моря до маленькаго порта Санта-Маринелла, лежащего недалеко от Чивита Веккии, где командование принял Полластрини.

Таким образом, прекрасно организованная, отлично дисциплинированная готовая к бою 120-тысячная армия окружила с трех сторон Рим.

Меня просят подчеркнуть тот факт, что этот сложный маневр выполнен был не большими колон-

нами, а отдельными небольшими отрядами. Скадры и маниполи собирались в своих обычных местах, а затем прямо отправлялись в мобилизационные центры. Передвигались войска в поездах, автомобилях и грузовиках. Фашисты были вооружены карабинами и револьверами и все имели стальные шлемы.

Правительство было совершенно безпомощно. Впрочем, до самого конца оно не верило в серьезность всего дела. И, когда, наконец, правительство поняв всю важность дела, издало закон об осадном положении, было уже поздно. Спешно сделаны были приготовления для защиты Рима, но принятые меры были недостаточны и вызвали не доверие, а только насмешки.

Весь город был обнесен заграждениями из колючей проволоки. Впервые за много лет ворота Рима были заперты. На стенах поставили пушки, а гарнизон поставлен под ружье. В судорожных и безплодных попытках устрашить фашистов было нечто, напоминавшее войны китайцев.

И тогда все дело спас король. Он отказался подписать приказ о введении законов военного времени. Вместо этого, он по телефону обратился к Муссолини, спокойно дожидавшемуся в Милане результатов coup d'etat, приглашая его в Рим. Два королевских автомобиля были высланы навстречу Муссолини в Чивита Веккию, где кончалась северная железная дорога. Полотно между этим портом и Римом было разрушено. Основатель фашистского движения в'ехал в столицу победителем.

Население Рима со смешанным чувством дожидалось исхода исторической борьбы. Циркулировали дикие слухи о неминуемом грабеже и кровопрлитиях. Высказывались опасения, что фашисты-победители разрушат в Риме весь рабочий квартал, так как там живут социалисты. Население было несомненно довольно падением министерства, не сумевшого поддержать порядок, но к этому чувству примешивалась и тревога, так как не были известны намерения новых хозяев Италии.

Муссолини быстро рассеял эти опасения, доказав, что они лишены всякого основания. Никогда

раньше еще войска, следующие через столицу, не проявляли такого бережного отношения к жизни и собственности; никогда еще войска не обнаружили такую дисциплину, как фашисты в Риме.

Три колонны фашистов собрались в Вилла Боргезе, на севере от Рима, тотчас же за стенами города. Всех фашистов было 117000, среди них 70000 «ударных» войск. В продолжение семи часов войска дефилировали перед импозантным, самым большим в современном Риме, памятником Виктору-Эмануилу. У Чентури войска положили пальмовые венки на могилу неизвестного воина.

За год до того римляне впервые познакомились с фашистами, собравшимися в столицу на конгресс. Надо сказать, что Рим никогда не был напуган большевиками и никогда не проявлял особого энтузиазма к фашизму. Чувство, проявленное римлянами, можно назвать скорее всего любопытством. Некоторая перемена в отношениях римлян к фашистам, однако, произошла за год. В ноябре 1921 года, когда фашисты в первый раз проходили по улицам Рима, чернорубашечников ужасно удивило следующее. Всюду в провинции они привыкли, чтобы толпа снимала шляпы перед «галиардетти», то есть, перед треугольными черными флагами в память убитых фашистов. Римляне стояли с покрытыми головами. Население столицы тогда несколько насмешливо смотрело на всех этих провинциалов.

В октябре 1922 года наблюдалось совсем другое. Население Рима и король салютовали фашистам. Точность, с которой выполнен был план генерального штаба, напоминала отлично вымеренный часовой механизм. Когда триумфальное шествие кончилось, фашисты отправились на железнодорожную станцию, где их ждали поезда, чтобы отвезти домой. Половина фашистской армии оставила Рим в ту же ночь, а 40% оставшихся уехали на другое утро.

Муссолини одержал победу в своей борьбе с коммунистами, продолжавшейся три с половиной года. Теперь он был диктатором над Италией.

ГЛАВА XI.

Борьба с расточительностью и с бездельниками.

Во всех министерствах и в организациях, поддерживаемых на общественные деньги, теперь стон и скрежет зубовный. Первый министр Муссолини об'явил войну всем бездельникам и лежебокам.

Против нерачительности и малоспособности Муссолини повел кампанию с такою же настойчивостью, какую раньше вел против большевиков. Пытливые, зоркие глаза его тщательно исследовали длинный список лиц, получающих жалованье. Мягкий, вежливый голос первого министра, допытывающегося подробностей относительно того, что именно делает получающий жалованье, нагнал страх и трепет на министерских служащих, глядевших до того на упорную работу, как на катастрофу, от которой надо держаться подальше. — Работайте или убирайтесь в отставку — таков смысл первой речи, с которой Муссолини обратился к лежебокам.

В следующее же утро после того, как Муссолини сформировал кабинет, первый министр был уже в своем кабинете несколько раньше девяти. Он вызвал поочередно всех министров и приказал им отмечать каждого служащаго, который не явится на службу с боем часов. Всем опоздавшим сделан был строгий выговор с предупреждением, что новое опоздание поведет к немедленному исключению со службы.

Я слышал, что в министерствах происходили тяжелые и необычайные сцены. Старые чиновники и начальники департаментов, привыкшие не торопиться на службу и запаздывавшие на полчаса и больше, вдруг увидали перед собой исход, столь же страшный, как и день страшного суда. Поклонники Муссолини не признававшие будильников, после большого нагоняя за опаздывание, спрашивали себя: «Кто же такой премьер в действительности? Полубог или ужасно неприятный начальник со странными понятиями о точности»?...

Стали тревожиться даже наиболее усердные сторонники нового режима. Не подлежало сомнению,

что «первый крестоносец» не станет шутить. В министерствах, где раньше все было так уютно и хорошо, установилась атмосфера серьезности и деловитости. Отошли в область преданий опаздывания на службу и уход раньше положенного часа.

Лежебоки теперь уже не чувствуют себя в безопасности. Они слышали о маленькой трагической сцене, происшедшей между важным бюрократом и представителем молодой Италии. Кончилась сцена тем, что бюрократ был, так сказать, пригвожден всенародно к позорному столбу. Лежебоки теперь трепещут: в любой момент во время заседания может появиться на пороге грозный первый министр, безукоризненно одетый, в лаковых башмаках, и спросить чиновников *о здоровьи*. Диктатор Италии, быть может, ангел свободы, но это не мешает ему быть ангелом разрушителем для лежебоков. Но почему ленивые чиновники трепещут так перед мыслью, что Муссолини спросит, как их здоровье. А вот послушайте, что случилось с важным бюрократом. Он прибыл на службу несколько позже назначенного времени.

Бюрократ подошел к дверям министерства, охраняемым швейцаром в пышной ливрее, в треуголке, с огромной дубиной в руках. И только чиновник взялся за ручку дверей, неизвестно откуда появился Муссолини. Бюрократ широко раскрыл глаза, будто, премьер появился из под мраморного пола. Нарядный швейцар сделал установленный пируэт и низкий поклон, свидетельствующие о значении Муссолини. Первый министр остановил важного чиновника у ступенек лестницы.

— Мне крайне жаль, что вы больны, — начал Муссолини с ледяной улыбкой.

— Ваше превосходительство изволит ошибаться, —нервно возразил чиновник:—Я совершенно здоров.

— Нисколько не ошибаюсь, — продолжал Муссолини с той же холодной улыбкой. — Вне сомнения, вы только что оправились от тяжелой болезни.

Смущенный чиновник отрицательно покачал головой.

— Смею уверить, что Ваше превосходительство изволит принимать меня за кого-либо другого.

Улыбка Муссолини растаяла, а глаза засверкали. Он сильно ударил сжатым кулаком по ладони. Раздался звук, как от щелканья бича.

— В таком случае, — гневно крикнул первый министр, извольте об'яснить, почему вы являетесь на службу лишь в одиннадцать часов, когда должны быть здесь уже в девять. Ацербо,— обратился Муссолини к секретарю, — запишите имя этого господина. А вы ступайте на службу в ваш кабинет и ждите моего решения по вашему делу. Испуганный нарушитель служебных правил удалился.

Лежебоки и слизняки решительно пришли к заключению, что глава кабинета человек грубый и невоспитанный. Ну, можно ли требовать от старого чиновника, чтобы он тоже следил за стрелками часов, как канцелярист-новичок. Можно ли говорить таким образом с заслуженным чиновником, да еще в присутствии его шофера и швейцара — возмущались лежебоки. Громко, впрочем, протестовать они не решались, потому что у Муссолини лицо грозное, как туча. А первый министр так об'ясняет свое суровое поведение: «Новую Италию нельзя создать из такого гнилого материала. Необходимо усиленно выполоть бурьян».

Под'ем в Италии, выразившийся в том, что итальянцы всех классов готовы работать безвозмездно для государства, отразился, как на национальных фабриках, так и в министерствах. Но старые чиновники, привыкшие к давно налаженным бюрократическим навыкам, неодобрительно относятся к новому порядку. Государственная машина должна работать медленно, — думает старый чиновник. — К тому же, многоопытный, поседевший в своем кресле бюрократ, готов скорее видеть в Муссолини «новую метлу» и негодует по поводу того, что она, покуда не угомонилась, выметает из кабинета его, старого «службиста».

Старый чиновник терпеть не может торопиться. Между тем его торопят и грозят вышвырнуть, если он не побежит.

Муссолини делает сам то, что проповедует: он работает много, от ранняго часа до поздняго вечера.

Продолжительность его рабочего времени приводит в изумление всех в Риме. Уже с шести часов утра Муссолини работает с секретарями, а в своем кабинете он уже с 8 час. утра. За день первый министр успевает работать ужасно много; он видит безконечное множество людей. Со всеми он говорит лаконически, точно, не тратя ни одного лишняго слова. В одиннадцать утра Муссолини иногда отправляется в манеж делла Санта, чтобы там фехтовать в продолжении часа; но в министерстве отнюдь не уверены, что Муссолини отлучился на целый час. Первый министр может нагрянуть в любой момент.

В 12 Муссолини плотно завтракает, а в час он уже снова на службе. Иногда, если задерживают дела, он работает гораздо дольше часа, назначенного для обеда. Для парадных обедов и для торжественных приемов у него нет времени. У Муссолини не хватает даже времени на всю корреспонденцию, так как ежедневно он получает до 10 тысяч писем. Даже секретари не в силах справиться со всей этой обширной перепиской.

Муссолини заявил, что требует от всех правительственных чиновников такого же усердия в работе, как требуют частные фирмы от своих служащих. Точнее сказать, Муссолини пред'являет к чиновникам еще большие требования, так как думает, что государство должно подавать пример прилежания. Банковский служащий или приказчик не останется долго на службе, если взял себе в обычай опаздывать. Почему же государство должно терпеть нерадивых чиновников? — спрашивает Муссолини.

Чиновники не только должны быть на месте во время, но обязаны еще *работать*. — Теперь в министерствах уже невозможно тянуть время за безконечным перкидыванием бумаг из одной картонки в другую, как это делалось раньше.

Прежде полагалось, что когда человек совьет себе гнездышко в каком-нибудь правительственном учреждении, он уже обезпечен на всю жизнь, если только не учинит какого нибудь безумного акта, в роде избиения начальника. Муссолини установил правило, что даже долгие годы службы не спасают от отставки, если нет уменья работать и усердия.

Чиновники, кроме того, сознают, что Муссолини ищет предлог, чтобы отделаться от всех лишних, малоспособных и ленивых служащих. Во многих департаментах штат служащих слишком велик. Целью Муссолини является меньшее число чиновников и большее количество работы. Всем министрам предложено выработать план работы с сокращенными штатами. Новые чиновники уже не принимаются на службу.

В торговых домах установился обычай приглашать особых специалистов, которые могут указать, как увеличить производительность дела и как экономизировать расходы на производство. Муссолини сам взял на себя роль такого специалиста в собственном деле. Он тщательно проверяет новые программы, выработанные министрами и вносит туда свои поправки, если находит надобным.

Результаты этой политики уже сказываются даже на мелочах. Телеграмма в Лондон шла раньше 5-6 часов; теперь она передается в час, а иногда даже в несколько минут. Видный общественный деятель в Риме сообщил Муссолини о том, что телеграммы в Лондон идут долго, и он немедленно принял свои меры.

Скорость железнодорожных поездов была увеличина. Муссолини неодобрительно относится к государственным предприятиям, работающим в убыток. Он готовит Парламенту доклад о недостаточном государственном контроле. Железнодорожные рабочие не чувствуют себя больше в безопасности от внезапных «землетрясений». Они постигли, что большевистская эра кончилась. Теперь офицеры в мундирах и чиновники могут опять в безопасности пользоваться железными дорогами.

Вся Италия за Муссолини, и это делает положение его непоколебимым. Он наказывает виновных для их же блага. Нация знает, что Муссолини ничего не ищет для себя. Способная молодежь, которую он собрал вокруг себя для трудного дела переустройства, тоже не ищет никаких личных благ. Молодые люди эти являются только слугами Италии.

В кабинете, составленном Муссолини, нет политических деятелей, преследующих личные, эгоистические цели, и пользующихся национальными вопросами, как пешками для своей игры. Энтузиазм чернорубашечников перенесен ими на государственную службу.

Ликторский знак, являющийся символом фашистов, состоит из секиры, воткнутой в пук прутьев. Для толстокожих чиновников, обленившихся на службе, этот пук является новой метлой, выметающей их из министерства.

ГЛАВА XII.

Нет больше стачек; нет классовой борьбы.

Итальянские рабочие всюду в стране с напряженным вниманием ждали, как отнесется Муссолини к труду. Говорили, что Муссолини хочет об'явить все стачки противозаконными. Этим слухом воспользовались социалисты для утверждения, что фашисты намерены отдать рабочих всецело в руки капиталистов.

Меня уверили, что это совершенно неверно. До войны Муссолини сам стоял во главе синдикалистского движения в Италии. Никто, как он, поэтому не знает, на чьей стороне правда во время промышленных споров. Восьмого декабря 1922 года, в Гамболонце, близ Милана, в речи к литейщикам, Муссолини так определил свое отношение к рабочим вообще.

«Скажу вам, рабочим, несколько слов, без всяких обиняков. Мое правительство не есть анти-рабочее правительство, не было таковым и никогда не будет.

Рабочие представляют живую, нераздельную часть нации. Их надо уважать и защищать. Им надо также помогать. Но мое правительство очень сильно. Ему нет надобности просить кого бы то ни было о помощи. Оно не ищет помощи, но не отказывается от нея. Если рабочие хотят помочь нам, мы охотно соглашаемся. Но надобно точно выяснить дело, дабы впоследствии не было никаких недоразумений.

Рабочие думали, что они могут стоять в стороне от жизни всей нации. Это большая ошибка. Чтобы

наш голос был услышан в интересах страны, необходима самая строгая дисциплина, ибо никто не станет слушать нас, если нация, стоящая за нами, будет беспокойна и непокорна.

Я говорю теперь с вами, не как глава правительства, а как человек, хорошо понимающий вас и которого вы хорошо понимаете; я говорю, как человек, точно знающий ваш удельный вес, разумеющий, что вы можете сделать и чего нельзя дозволить вам делать.

Мои предки не знатные аристократы. Они были крестьяне и работали в поле. Отец мой был кузнец, ковавший подковы. Мальчиком я всегда помогал отцу в его работе. Теперь мне предстоит более трудная работа. Я должен выковать человеческие души. В молодости я былъ копачемъ и каменщиком. Говорю это не для того, чтобы заручиться вашей симпатией. Я хочу только выяснить вам, что не могу быть врагом трудящихся масс.

Но я действительно враг всех тех, которые во имя ложных и фантастических учений пытаются обмануть рабочего человека и повести его к гибели.

Мое правительство представляет собой только бюрократическую администрацию. Оно будет действовать в интересах рабочих, когда требования их справедливы. Во всех своих поступках правительство станет сообразоваться с этими основными принципами.

Нация продолжает существовать даже, когда хотят ее разрушить, ибо она представляет собою неуничтожаемую реальность.

Необходимо усилить производство. Усиление и улучшение производства — в прямых интересах не только капиталистов, но и рабочих, ибо и рабочий и капиталист, одинаково стоят на краю гибели, когда производство сокращено, и когда наши фабриканты не находят себе больше места на мировом рынке. Все справедливые требования рабочих должны быть удовлетворены.

Дело представляет большую ценность, чем слово. Вы будете иметь полную возможность проверить то, что я сказал».

Во время борьбы с коммунистами основаны были фашистские профессиональные союзы, которые чрез-

вычайно разрослись, в особенности на севере, когда Муссолини стал у власти.

Эти профессиональные союзы основаны по тому же типу, как другие трэд-юнионы и имеют целью защиту рабочих, но классовая борьба осуждается. Члены этих профессиональных союзов не должны смотресть на капитал, как на своего врага. Рабочие, вступая в трэд-юнионы, дают такую же присягу, как и фашисты: «Именем Бога, Италии и наших славных павших борцов, клянусь сосредоточить всю мою силу для работы на благо родине.

—Фашисты не заявили открыто, что стачки незаконны, но не подлежит сомнению, что Муссолини собирается назначить трибунал, который быстро и решительно покончит со всеми спорами между хозяевами и рабочими. Муссолини выдвинул для этого основной принцип, что действие, вредное для нации, не должно быть допущено. Политические стачки, имеющие целью парализовать общественную жизнь и остановить доставку пищевых продуктов, являются преступлением и должны быть наказаны, как таковые. Стачки, имеющие целью повышение заработной платы, могут быть быстро разрешены мирным путем. Муссолини утверждает, что в таких стачках всегда виновата та или иная сторона, что и должен выяснить специальный трибунал. Суд этот выслушает обе стороны и постановит решение. Этим дело кончится. Если дозволить стачке продолжаться, покуда одна из сторон сдастся, — страдает нация. Победу нельзя назвать справедливой, так как обусловливается она силой, а не правом.

Правительство, действительно управляющее страной, не должно потворствовать системе, которая не дает быстрого решения и причиняет сильный вред нации.

Фашисты заявили, что они будут так же строги к капиталу, как и к рабочим. Каждая жалоба, пред'явленная рабочими, будет немедленно тщательно расследована.

Одной из наиболее важных проблемм, лежащих перед Муссолини, является установление нормального бюджета. Финансы Италии в запутанном состоянии, поэтому необходимы решительные реформы.

Вот почему все неоплачивающиеся государственные предприятия признаются бременем, от котораго надо отделаться. В этом отношении, перед премьером, прежде всего, стоит вопрос о государственных железных дорогах.

Оне безнадежно убыточны под государственным контролем. Когда двадцать лет тому назад железные дороги были взяты из рук частных кампаний, оне давали дивиденд. В последние годы железные дороги приносили ежегодно убыток казне в 1.500.000.000 лир. Под влиянием социалистов, число железнодорожных служащих увеличилось до 240.000. Фашисты заявили, что и одной трети этого числа достаточно.

Новое правительство назначило «финансовых ищеек» для нахождения лиц, уклоняющихся от уплаты налогов. Мне говорили, что таких уклоняющихся в Италии около 500.000. Многие, которые должны платить большие налоги, не платят ни гроша. Затем имеются тысячи таких плательщиков, которым совершенно незаконно уменьшили налоги, падающие на них. Против всех этих уклоняющихся от платежей приняты теперь энергичные меры.

— Не подлежит сомнению, что в нашем фискальном решете много дыр, — сказал недавно в Парламенте новый министр финансов. — Обещаю Вам, что эти прорехи будут заделаны.

До сих пор рабочий класс не платил никаких налогов. Коммунисты толковали рабочим, что капиталисты и буржуазия вообще, обязаны всецело на свой счет содержать правительство, которое только эксплуатирует пролетариат. Муссолини настаивает на том, что каждый рабочий тоже обязан участвовать в поддержании правительства путем налогов. Чистый доход от этого налога не будет велик, так как рабочие обложены очень легко. Мера эта введена из соображений скорее моральных, чем фискальных: все итальянцы должны сознавать, что они материально, — хотя и в разных долях — участвуют в возрождении родины.

Иностранный капитла будет освобожден от подоходного налога. Таким образом, правительство рассчитывает привлечь в Италию иностранных вкладчиков.

Муссолини вполне постигает, что непосредственным результатом политики экономии и сокращений будет увеличение безработицы, но думает, что это явление будет временное и что повышенная деятельность страны создаст, в конце концов, новые источники заработка.

Одной из мер для сокращения числа безработных, по мнению Муссолини, является переселение. Первый министр пытается теперь убедить Соединенные Штаты, чтобы республика сделала исключение для Италии и открыла бы двери для переселенцев-итальянцев. Он ведет также переговоры с Южно-Американскими республиками об осуществлении переселений в еще более широких размерах. Муссолини разрабатывает также планы эмиграции в итальянские колонии и ведет даже переговоры с турками о том, чтобы отстроить сожженную Смирну при помощи итальянских рабочих.

Таковы только некоторые из сложных проблемм, стоящих теперь перед диктатором Италии. Друзья Муссолини сознают, что он не может в несколько недель осуществить золотой век и, поэтому, советуют стране, преисполненной теперь веры, — быть терпеливой.

ГЛАВА XIII.

Короткая расправа с преступлением.

Теперь, когда фашисты стали хозяевами Италии, преступников ждет ряд неожиданных сюрпризов. Фашисты требуют, чтобы каждый не только был хорошим патриотом, но чтобы он также был законопослушен. Энтузиасты в провинции предложили много новых, хороших и подчас очень смелых социальных реформ. Свобода всех нарушителей закона подвергается большой опасности. Полиция неоднократно убеждалась, что фашисты находят преступников в тех случаях, когда она оказывалась безсильной. Вследствие этого, вероятно, профессиональные ловцы воров, говорят теперь вместе с другими недовольными чиновниками, что фашизм сломит себе шею, так как он, претендуя поддержать закон, топчет его.

Несомненно, есть опасность в том, что провинциальные энтузиасты, пострадавшие когда-то от насилий всякого рода, пойдут дальше, чем должно. Муссолини сознает, что необходимо держать в руках наиболее пылких последователей. Усилия в этом направлении уже сделаны. И тем не менее, надо признать, что, в общем, усердие энтузиастов дает положительные результаты.

Можно ли оспаривать, например, политику фашистов в Александрии? Они заявили там: преступник должен или приняться за честную работу или погибнуть.

История оздоровления Александрии теперь хорошо известна. Фашисты собрали всех местных громил, мошенников, шулеров и других подпольных деятелей. Митинг состоялся ночью и явилось до 300 человек. Им заявили, что работу им найдут за вознаграждение достаточное, чтобы жить. Фашисты вообще берут на себя обязанность поддерживать работой всех мошенников, если они пожелают жить честно; но если преступники предпочтут свою прежнюю профессию, то будут истреблены.

Митинг безусловно высказался за честную работу. Тогда фашисты переговорили с предпринимателями, и всех, знавших какое-нибудь ремесло, распределили по специальностям. Занятие нашлось даже для чернорабочих.

Заработная плата частью поступает рабочему, частью — идет фашистам. Из этих сумм создается специальный фонд, идущий на поддержание тех преступников, для которых не могли еще найти работу. Преступников держат под надзором, все равно, работают ли они, или нет; но они совершенно свободны. Покуда они никому не мешают, никто не безпокоит и их.

Мне говорили, что система работает очень хорошо. Теперь у полиции в Александрии меньше дела, а обыватели, — даже те, которые раньше протестовали против фашистов, — очень благодарны им за улучшение общественной нравственности в городе.

Другим примером полезности вмешательства фашистов, когда закон оказался безсильным, является история исчезновения шестилетняго мальчика Нелло Коча в Риме, в октябре 1922 года. Он был похищен

шайкой бандитов, собиравшихся взять за него выкуп. Полиция ничего не могла сделать.

Тогда за дело взялись фашисты. Они установили факт, что мальчика убили, когда начались усиленные поиски. Один за другим были найдены фашистами все бандиты и переданы в руки правосудия. Теперь все преступники в тюрьме и дожидаются суда.

Министр финансов де Стеффани получил раз уведомление из Падуи, что дом его ограбили, причем похищены многие ценные вещи. Местная полиция, конечно проявила много рвения, так как пострадал член кабинета, но проходили дни, а преступление все еще оставалось нераскрытым.

Наконец, один из фашистских начальников вызвал молодого чернорубашечника: «Поезжайте в Падую и найдите преступника», — таков был приказ. В ту же ночь молодой фашист уехал. Через два дня он напал уже на верный след.

Когда я пишу эту книгу, преступники все еще не арестованы, но фашистская организация в Риме убеждена, что молодой Шерлок Хольмс, которому всего 21 год, — преуспеет.

В Адрии несколько фашистов предприняли крестовый поход против пьянства. Они, как я сказал уже, ввели наказание за пьянство при помощи касторового масла. И мера эта дала такие блестящие результаты, что несколько соседних городов последовали примеру Адрии.

Фашисты предприняли также борьбу с проституцией. Хотя открытого крестового похода против этого социального зла еще не было, но уже заметна перемена в характере римских улиц ночью. Муссолини очень прозрачно намекнул полиции, что предосудительные лица должны быть изгнаны. Теперь полиция смотрит более строго на такие лица, тогда как раньше она предпочитала смотреть в сторону или сквозь пальцы. Результаты всего этого очень заметны.

Есть много фактов, доказывающих, что ленивый богач скоро почувствует на себе руку фашистов.

Недавно, в пять часов, я видел в зале фешенебельного отеля с двумя помощниками Муссолини. По зале взад и вперед бесцельно слонялись молодые люди, большею частью, принадлежавшие к римской аристо-

кратии. Фашисты следили за ними с заметным неудовольствием.

«Они бездельничают, ведут растительную жизнь и любезничают — сказал один из моих собеседников. — Я думаю, нам надобно заставить их работать». Затем тема разговора переменилась. Через некоторое время, однако, мой собеседник опять задумчиво прибавил: «Да, надо найти работу для некоторых из этих молодых людей. Вспомнив, что эти молодые люди принадлежат к самой старой итальянской аристократии, можно будет вполне оценить полускрытую угрозу. Золотая молодежь вообще благосклонно относится к фашизму, усматривая в нем оплот против так называемых нисших классов. Она покуда не уразумела еще, что суровая программа Муссолини, осуществленная полностью, означает, что все классы, богатые и бедные, должны будут работать.

Азартные игры, конечно, одинаково увлекают, как золотую молодежь, так и рабочих. Государство. — в настоящем случае Муссолини, — помышляют об увеличении доходов путем налогов на баккара и на другие азартные игры подобного рода. Теперь игра происходит в тайных притонах. Муссолини полагает, что если игра будет производиться в открытых домах, то за нею и легче будет следить и, кроме того, патенты на содержание подобных клубов принесут значительный доход казне.

Таков один из многочисленных проектов увеличения государственных доходов.

Муссолини контролирует деятельность своих крестоносцев путем назначения верных людей на полицейские посты в Северной Италии. Он вполне понимает, что две организации, работающие независимо, не могут поддерживать порядок. Вопрос о фашистах, как о боевой организации, сильно занимал внимание Муссолини. Фашистская армия сильно сокращена, а иррегулярные отряды, присоединившиеся к организации, распущены.

Экономия является важным мотивом при организации полиции. Когда Муссолини стал у власти, общественный порядок поддерживали 175 тысяч человек, считая карабинеров, королевскую гвардию и та-

моженную стражу в альпийских горах- Таким образом, полиция почти равнялась постоянной армии.

Девизом нового правительства является: «Меньше людей и больше дела».

Королевская гвардия несла полицейскую службу только со времени войны. Они занимают такое же место, как и карабинеры, но носят другой мундир. Сформированы они по инициативе Нитти, когда тот был первым министром, чтобы заменить крайне непопулярных карабинеров. Карабинеры были сделаны военной полицией и приобрели такую же ненависть со стороны солдат, какую раньше питали к ним штатские.

Предложено было распустить королевскую гвардию, но против этого возстали те, которые держались того мнения, что две организации (карабинеры и гвардия), поддерживающие порядок, всегда лучше, чем одна. Указывалось, что в случае беспорядков, если, например, карабинеры навлекали на себя ненависть, можно было всегда успокоить население кажущейся уступкой: отозванием карабинеров и заменой их королевской гвардией.

Преобразование фашистской армии произведено было с большой настойчивостью. Муссолини не придает никакого значения волонтерам, присоединившимся к нему в последний момент, когда они убедились, что фашизм победил и будет управлять Италией. Муссолини сохранил цвет легионов, т.е., воинов, на которых может безусловно положиться. Эти составят семидесятитысячную армию под личной командой Муссолини. Враги его в Риме, конечно, говорят об армии преторианцев.

Имея за собой эту силу, Муссолини намерен сурово расправляться с недовольством. Если понадобится, премьер поборется и с бывшим диктатором Фиуме, д'Аннунцио, у которого есть свой собственный отряд последователей. Об этом поэте-летчике и вожде теперь много говорят в Италии. Он живет в уединении на берегу Лагомаджоре, но сильно интересуется новым режимом, который д'Аннунцио не вполне одобряет. Вопрос о поведении д'Аннунцио в ближайшем будущем очень сильно занимает Муссолини.